

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЬЕСА
СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ ДИККЕНСА

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПѢСНЯ

ВЪ ПРОЗѢ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

ЧАРЛЬСА ДИККЕНСА.

НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

С. Долова.

МОСКВА.

Типографія И. Д. Сытина и К^о., Валовая улица, собственный домъ.

1891.

Дозволено цензурою. Москва, 26 октября 1890 года.

Ивану Михайловичу Живаго

въ знакъ глубокаго уваженія

и

искренней благодарности

трудъ свой

посвящаетъ

Переводчикъ,

I.

ТѢНЬ МАРЛЕЯ.

Марлей умеръ—начнемъ съ того. Сомнѣваться въ дѣйствительности этого событія нѣтъ ни малѣйшаго повода. Свидѣтельство объ его смерти было подписано священникомъ, причетникомъ, гробовщикомъ и распорядителемъ похоронной процесіи. Оно было подписано и Скруджемъ; а имя Скруджа, какъ и всякая бумага, носившая его подпись, уважались на биржѣ.

А знали ли Скруджъ, что тотъ умеръ? Конечно, знали. Иначе не могло и быть. Вѣдь они съ Марлеемъ были компаньонами Богъ вѣсть сколько лѣтъ. Скруджъ же былъ и его единственнымъ душеприказчикомъ, единственнымъ наслѣдникомъ, другомъ и плакальщикомъ. Но и тотъ не былъ особенно пораженъ этимъ печальнымъ событіемъ, и, какъ

истинно дѣловой человѣкъ, почтилъ день похоронъ своего друга удачною операціей на биржѣ.

Упомянувъ о похоронахъ Марлея, я поневолѣ долженъ вернуться еще разъ къ тому, съ чего началъ, т. е., что Марлей несомнѣнно умеръ. Это необходимо категорически признать разъ навсегда, а то въ предстоящемъ моемъ разсказѣ не будетъ ничего чудеснаго. Вѣдь если бы мы не были твердо увѣрены, что отецъ Гамлета умеръ до начала пьесы, то въ его ночной прогулкѣ, невдалекѣ отъ собственнаго жилища, не было бы ничего особенно замѣчательнаго. Иначе стоило любому отцу среднихъ лѣтъ выйти въ вечернюю пору подышать свѣжимъ воздухомъ, чтобы перепугать своего трусливаго сына.

Скруджъ не уничтожилъ на своей вывѣскѣ имени стараго Марлея; прошло нѣсколько лѣтъ, а надъ конторой попрежнему стояла надпись: „Скруджъ и Марлей“. Подъ этимъ двойнымъ именемъ фирма ихъ и была извѣстна, такъ что Скруджа иногда называли Скруджемъ, иногда, по незнанію, Марлеемъ; онъ отзывался на то и на другое; для него это было безразлично.

Но что за отъявленный кулакъ былъ этотъ Скруджъ! Выжать, вырвать, сгрести въ свои жадныя руки было любимымъ дѣломъ этого стараго грѣшника! Онъ былъ твердь и остеръ, какъ кремень, изъ котораго никакая сталь не могла извлечь

искры благороднаго огня; скрытнѣй, сдержанный, онъ прятался отъ людей, какъ устрица. Его внутреннѣй холодъ отражался на его старческихъ чертахъ, сказывался въ заостренности его носа, въ морщинахъ щекъ, одеревенѣлости походки, краснотѣ глазъ, синевѣ его тонкихъ губъ и особенно въ рѣзкости его грубаго голоса. Морозный иней покрывалъ его голову, брови и небритый подбородокъ. Свою собственную низкую температуру онъ всюду приносилъ съ собою: замораживалъ свою контору въ праздничные, не трудовые дни и даже въ Рождество не давалъ ей нагрѣться и на одинъ градусъ.

Ни жаръ, ни холодъ наружный не дѣйствовали на Скруджа. Никакое тепло не въ силахъ было согрѣть его, никакая стужа не могла заставить его озябнуть. Не было ни вѣтра рѣзче его, ни снѣга, который, падая на землю, упорнѣе преслѣдовалъ бы свои цѣли. Проливной дождь, казалось, былъ доступнѣе для просьбъ. Самая гнилая погода не могла донять его. Сильнѣйшій дождь и снѣгъ, и градъ только въ одномъ могли похвалиться передъ нимъ: они часто сходили на землю красиво, Скруджъ же не снисходилъ никогда.

Никто на улицѣ не останавливалъ его веселымъ привѣтствіемъ: „Какъ поживаете, любезный Скруджъ? Когда думаете навѣстить меня?“ Нищіе не обращались къ нему за милостыней, дѣти не спрашивали

у него, который часъ; ни разу во всю его жизнь никто не спросилъ у него дороги. Даже собаки, которыя водятъ слѣпцовъ, и тѣ, казалось, знали, что это за человѣкъ: какъ только завидятъ его, поспѣшно тащатъ своего хозяина въ сторону, куда-нибудь въ ворота или во дворъ, гдѣ, виляя хвостомъ, какъ будто хотятъ сказать своему слѣпому хозяину: безъ глаза лучше, чѣмъ съ дурнымъ глазомъ!

Но что за дѣло было до всего этого Скруджу? Напротивъ, онъ былъ очень доволенъ такимъ отношеніемъ къ нему людей. Пробираться въ сторонѣ отъ торной дороги жизни, подальше отъ всякихъ человѣческихъ привязанностей, — вотъ что онъ любилъ.

Однажды—это было въ одинъ изъ лучшихъ дней въ году, а именно наканунѣ Рождества Христова—старикъ Скруджъ занимался въ своей конторѣ. Стояла рѣзкая, холодная и притомъ очень туманная погода. Снаружи доносилось тяжелое дыханіе прохожихъ; слышно было, какъ они усиленно топтали по тротуару ногами, били рука объ руку, стараясь какъ-нибудь согрѣть свои окоченѣвшіе члены. День еще съ утра былъ пасмурный, а когда на городскихъ часахъ пробило три, то стало такъ темно, что пламя свѣчей, зажженныхъ въ сосѣднихъ конторахъ, казалось сквозь окна какимъ-то красноватымъ пятномъ на непрозрачномъ буромъ

воздухъ. Туманъ пробивался сквозь каждую щель, чрезъ всякую замочную скважину и былъ такъ густъ снаружи, что дома, стоявшіе по другую сторону узкаго двора, гдѣ помѣщалась контора, являлись какими-то неясными призраками. Смотри на густыя, нависшія облака, которыя окутывали мракомъ все окружающее, можно было подумать, что природа сама была здѣсь, среди людей, и занималась пивовареніемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Дверь изъ комнаты, гдѣ занимался Скруджъ, была открыта, чтобы ему удобнѣе было наблюдать за своимъ конторщикомъ, который, сидя въ крошечной полутемной каморкѣ, переписывалъ письма. Въ каминѣ самого Скруджа былъ разведенъ очень слабый огонь, а то, чѣмъ согрѣвался конторщикъ, и огнемъ нельзя было назвать: это былъ просто едва-едва тлѣющій уголекъ. Растопить пожарче бѣдняга не осмѣливался, потому что ящикъ съ углемъ Скруджъ держалъ въ своей комнатѣ, и рѣшительно всякій разъ, когда конторщикъ входилъ туда съ лопаткой, хозяинъ предупреждалъ его, что имъ придется разстаться. Поневолѣ пришлось конторщику надѣть свой бѣлый шарфъ и стараться согрѣть себя у свѣчки, что ему, за недостаткомъ пылкаго воображенія, конечно, и не удавалось.

— Съ праздникомъ, дядюшка! Богъ вамъ на помощь! — послышался вдругъ веселый голосъ.

Это былъ голосъ племянника Скруджа, прибѣ-

жавшаго такъ внезапно, что это привѣтствіе было первымъ признакомъ его появленія.

— Пустяки!—сказаль Скруджъ.

Молодой человѣкъ такъ нагрѣлся отъ быстрой ходьбы по морозу, что красивое лицо его какъ бы горѣло; глаза ярко сверкали, и дыханіе его было видно на воздухѣ.

— Какъ?—Рождество пустяки, дядюшка?!—сказаль племянникъ.—Право, вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу,—возразиль Скруджъ.—Какой тамъ радостный праздникъ! По какому праву ты радуешься и чему? Ты такъ бѣденъ.

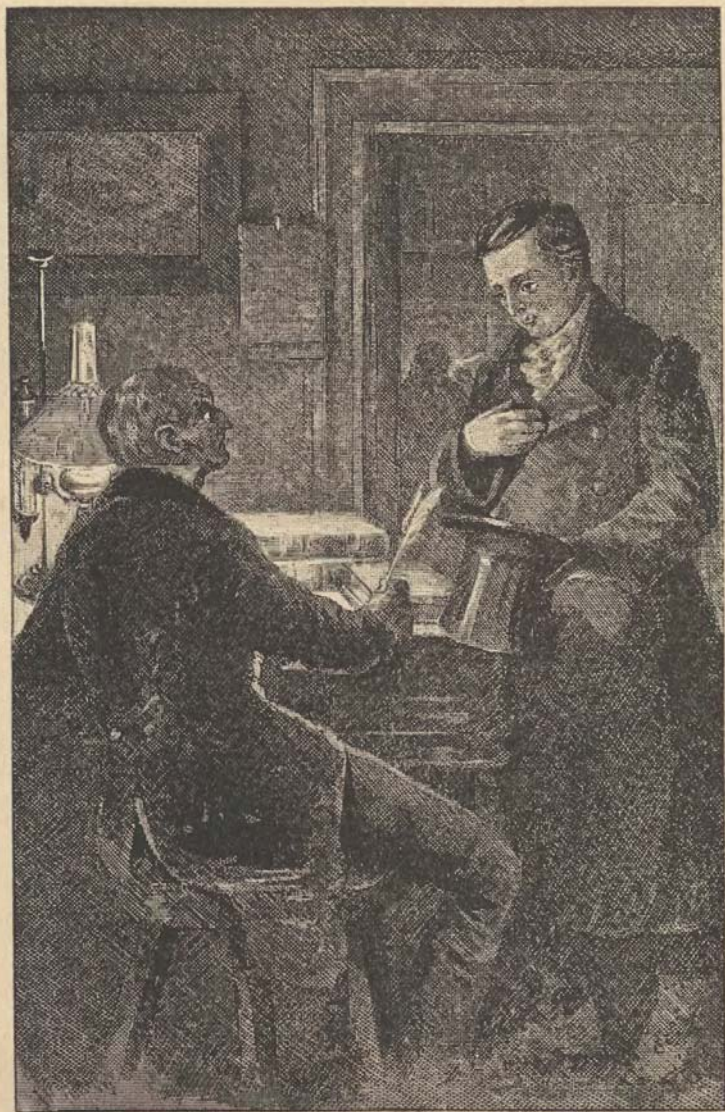
— Ну,—весело отвѣтилъ племянникъ,—а по какому праву вы мрачны, что заставляеть васъ быть такимъ угрюмымъ? Вы вѣдь такъ богаты.

Скруджъ не нашелся, что отвѣтить на это и только еще разъ произнесъ:

— Пустяки!

— Будеть вамъ сердиться, дядя,—началь опять племянникъ.

— Чтò же прикажете дѣлать,—возразиль дядя,—когда живешь въ мірѣ такихъ глупцовъ? Веселый праздникъ! Хорошо веселый праздникъ, когда нужно платить по счетамъ, а денегъ нѣтъ; годъ прожилъ, а побогатѣть и на грошъ не побогатѣлъ—приходитъ время подсчитывать книги, въ которыхъ за всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ ни по одной статьѣ не оказывается прибыли. О, еслибъ моя воля была,—

... — Какъ? — Рождество пустяки, дядюшка?! — сказалъ племянникъ. —
Право, вы шутите...

Стр. 10.

продолжалъ гнѣвно Скруджъ,—каждаго идіота, который носится съ этимъ веселымъ праздникомъ, я бы сварилъ вмѣстѣ съ его пудингомъ и похоронилъ бы его, проколовъ ему сперва грудь коломъ изъ остролистника *). Вотъ что-бъ я сдѣлалъ!

— Дядя! дядя!—произнесъ, какъ бы защищаюсь, племянникъ.

— Племянникъ!—сурово возразилъ Скруджъ,—справляй Рождество, какъ знаешь, и предоставь мнѣ справлять его по-моему.

— Справлять!—повторилъ племянникъ.—Да развѣ его такъ справляютъ?

— Оставь меня,—сказалъ Скруджъ.—Поступай, какъ хочешь! Много толку вышло до сихъ поръ изъ твоего празднованія!

— Правда, я не воспользовался какъ слѣдуетъ многимъ, чтò могло бы имѣть добрыя для меня послѣдствія, какъ на примѣръ Рождество. Но, увѣрю васъ, всегда, съ приближеніемъ этого праздника, я думалъ о немъ какъ о добромъ, радостномъ времени, когда, не въ примѣръ долгому ряду остальныхъ дней года, всѣ, и мужчины и женщины, проникаются христіанскимъ чувствомъ челоувѣчности. думаютъ о меньшей братіи какъ о дѣйствительныхъ своихъ спутникахъ къ могилѣ, а не какъ о низ-

---

*) Пудингъ—необходимое рождественское блюдо англичанъ, какъ остролистникъ—обязательное украшеніе ихъ комнатъ на святочныхъ вечерахъ.

шемъ родѣ существъ, идущихъ совсѣмъ инымъ путемъ. Я уже не говорю здѣсь о благоговѣннѣи, подобающемъ этому празднику по его священному имени и происхожденію, если только что-нибудь, связанное съ нимъ, можетъ быть отдѣлено отъ него. Поэтому-то, дядюшка, хотя оттого у меня ни золота, ни серебра въ карманѣ не прибавлялось, я все-таки вѣрю, что польза для меня отъ такого отношенія къ великому празднику была и будетъ, и я отъ души благословляю его!

Конторщикъ въ своей каморкѣ не выдержалъ и одобрительно захлопалъ въ ладоши, но въ ту же минуту, почувствовавъ неумѣстность своего поступка, поспѣшно загребъ огонь и потушилъ послѣднюю слабую искру.

— Если отъ *васъ* я услышу еще что-нибудь въ этомъ родѣ,—сказалъ Скруджъ:—то вамъ придется отпраздновать свое Рождество потерей мѣста. Однако, вы изрядный ораторъ, милостивый государь,—прибавилъ онъ, обращаясь къ племяннику:—удивительно, что вы не членъ парламента.

— Не сердитесь, дядя. Пожалуйста, приходите къ намъ завтра обѣдать.

Тутъ Скруджъ, не стѣсняясь, предложилъ ему убраться подальше.

— Почему же? — воскликнулъ племянникъ. — Почему?

— Почему ты женился?—сказалъ Скруджъ.

— Потому что влюбился.

— Потому что влюбился!—проворчалъ Скруджъ, какъ будто это была единственная вещь въ мірѣ, еще болѣе смѣшная, чѣмъ радость праздника.— Прощай!

— Но, дядюшка, вы вѣдь и до этого событія никогда не бывали у меня. Зачѣмъ же ссылаться на него какъ на предлогъ, чтобъ не придти ко мнѣ теперь?

— Прощай!—повторилъ Скруджъ вмѣсто отвѣта.

— Мнѣ ничего отъ васъ не нужно; я ничего не прошу у васъ: отчего бы не быть намъ друзьями?

— Прощай!

— Сердечно жалѣю, что вы такъ непреклонны. Мы никогда не ссорились по моей винѣ. Но ради праздника я сдѣлалъ эту попытку и останусь до конца вѣренъ своему праздничному настроенію. Итакъ, дядюшка, дай вамъ Богъ въ радости встрѣтить и провести праздникъ!

— Прощай!—твердилъ старикъ.

— И счастливаго Новаго года!

— Прощай!

Несмотря на такой суровый пріемъ, племянникъ вышелъ изъ комнаты, не произнеся сердитаго слова. У наружной двери онъ остановился поздравить съ праздникомъ конторщика, который, какъ ему ни было холодно, оказался теплѣе Скруд-

жа, такъ какъ сердечно отвѣтилъ на обращенное къ нему привѣтствіе.

— Вотъ еще другой такой же нашелся,—пробормоталъ Скруджъ, до котораго донесся разговоръ изъ каморки.—Мой конторщикъ, имѣющій пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю да еще жену и дѣтей, толкуетъ о веселомъ праздникѣ. Хоть въ сумасшедшій домъ бѣги!

Бѣдняга, проводивъ племянника Скруджа, впустилъ двухъ другихъ людей. Это были представительные джентльмены пріятной наружности. Снявъ шляпы, они остановились въ конторѣ. Въ рукахъ у нихъ были книги и бумаги. Они поклонились.

— Это контора Скруджа и Марлея, если не ошибаюсь?—сказалъ одинъ изъ господъ, справляясь съ своимъ листомъ.—Имѣю честь говорить съ г. Скруджъ или съ г. Марлей?

— Г. Марлей умеръ семь лѣтъ тому назадъ,—отвѣтилъ Скруджъ.—Сегодня ночью минетъ ровно семь лѣтъ со времени его смерти.

— Мы не сомнѣваемся, что его щедрость имѣетъ достойнаго представителя въ лицѣ пережившаго его товарища по фирмѣ,—сказалъ джентльмень, подавая свои бумаги.

Онъ сказалъ правду: это были родные братья по духу. При страшномъ словѣ „щедрость“ Скруджъ нахмурилъ брови, покачалъ головой и отстранилъ отъ себя бумаги.

— Въ эту праздничную пору года, г. Скруджъ, — сказалъ джентльменъ, беря перо, — болѣе, чѣмъ обыкновенно, желательно, чтобы мы немного позаботились о бѣдныхъ и нуждающихся, которымъ очень плохо приходится въ настоящее время. Многія тысячи нуждаются въ самомъ необходимомъ; сотни тысячъ лишены самыхъ обыкновенныхъ удобствъ, милостивый государь.

— Развѣ нѣтъ тюремъ? — спросилъ Скруджъ.

— Тюремъ много, — сказалъ джентльменъ, кладя перо на мѣсто.

— А рабочіе дома? — освѣдомился Скруджъ. — Существоютъ они?

— Да, попрежнему, — отвѣтилъ джентльменъ. — Хотѣлось бы, чтобъ ихъ больше не было.

— Стало быть, исправительныя заведенія и законъ о бѣдныхъ въ полномъ ходу? — спросилъ Скруджъ.

— Въ полнѣйшемъ ходу и то и другое, милостивый государь.

— Ага! А то я было испугался, слыша ваши первыя слова; подумалъ, ужъ не случилось ли съ этими учрежденіями чего-нибудь, что заставило ихъ прекратить свое дѣйствіе, — сказалъ Скруджъ. — Очень радъ это слышать.

— Сознвая, что врядъ ли эти суровые способы доставляютъ христіанскую помощь духу и тѣлу народа, — возразилъ джентльменъ, — нѣкоторые

изъ насъ взяли на себя заботу собрать сумму на поухку для бѣдняковъ пици и топлива. Мы выбрали это время какъ такое, когда нужда особенно чувствуется, а изобиліе услаждается. Что прикажете записать отъ васъ?

— Ничего,—отвѣтилъ Скруджъ.

— Вы хотите остаться неизвѣстнымъ?

— Я хочу, чтобы меня оставили въ покоѣ,—сказалъ Скруджъ.—Если вы меня спрашиваете, чего я хочу, вотъ вамъ мой отвѣтъ. Я самъ не веселюсь на праздникъ и не могу доставлять возможности веселиться празднымъ людямъ. Я даю на поддержаніе учрежденій, о которыхъ упомянулъ; на нихъ тратится не мало, и у кого плохи обстоятельства, пусть туда идутъ!

— Многіе не могутъ идти туда; многіе предпочли бы умереть.

— Если имъ легче умереть,—сказалъ Скруджъ,—пусть они лучше такъ и дѣлаютъ; меньше будетъ лишняго народа. Впрочемъ, извините меня, я этого не знаю.

— Но вы могли бы знать,—замѣтилъ одинъ изъ посѣтителей.

— Это не мое дѣло,—отвѣтилъ Скруджъ.—Довольно для человѣка, если онъ понимаетъ собственное дѣло и не мѣшается въ чужія. Моего дѣла съ меня достаточно. Прощайте, господа!

Ясно видя, что имъ не достигнуть здѣсь своей цѣли, господа удалились. Скруджъ принялся за работу съ лучшимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ и въ лучшемъ расположеніи духа, нежели обыкновенно.

Между тѣмъ туманъ и мракъ сгустились до такой степени, что на улицѣ появились люди съ зажженными факелами, предлагавшіе свои услуги идти передъ лошадьми и указывать экипажамъ дорогу. Древняя колокольня, угрюмый старый колоколь которой всегда лукаво поглядывалъ внизъ на Скруджа изъ готическаго окна въ стѣнѣ, стала невидимой и отбивала свои часы и четверти гдѣ-то въ облакахъ; звуки ея колокола такъ дрожали потомъ въ воздухѣ, что казалось, какъ будто въ замерзшей головѣ ея зубы стучали другъ объ друга отъ холода. На главной улицѣ, около угла подворья, нѣсколько работниковъ поправляли газоваго трубы; у разведеннаго ими въ жаровнѣ большого огня собралась кучка оборванцевъ, взрослыхъ и мальчиковъ, которые, жмуря передъ пламенемъ глаза, съ наслажденіемъ грѣли у него руки. Водопроводный кранъ, оставленный въ одиночествѣ, не замедлилъ покрыться печально повисшими сосульками льда. Яркое освѣщеніе магазиновъ и лавокъ, гдѣ вѣтки и ягоды остролистника трещали отъ жара оконныхъ лампъ, отражалось красноватымъ отблескомъ на лицахъ прохожихъ. Даже лавочки торговцевъ живностью и овощами приняли какой-то

праздничный, торжественный видъ, столь мало свойственный дѣлу продажи и наживы. Лордъ-мэръ въ своемъ громадномъ, какъ крѣпость, дворцѣ отдавалъ приказанія своимъ безчисленнымъ поварамъ и дворецкимъ, чтобы все было приготовлено къ празднику, какъ подобаетъ въ хозяйствѣ лорда-мэра. Даже плогавый портной, оштрафованный имъ въ прошлый понедѣльникъ на пять шиллинговъ за появленіе въ пьяномъ видѣ на улицѣ, и тотъ, сидя на своемъ чердакѣ, мѣшалъ завтрашній пудингъ, пока худоцавая жена его вышла съ ребенкомъ купить мяса.

Тѣмъ временемъ морозъ все крѣпчалъ, отчего туманъ сталъ еще гуще. Изможденный холодомъ и голодомъ, мальчикъ остановился у двери Скруджа послать Христа и, нагнувшись къ замочной скважинѣ, загѣлъ было пѣсню:

„Пошли вамъ Богъ здоровья, добрый баринъ!

„Пусть будетъ радостень для васъ великій праздникъ!“

Но при первомъ же звукѣ его голоса Скруджъ схватилъ линейку такъ порывисто, что пѣвецъ пустился съ испуга бѣжать, предоставивъ замочную щель туману и еще болѣе сродному Скруджу морозу.

Наконецъ, пришло время запирать контору. Несмотря слѣзь Скруджъ съ своего табурета и тѣмъ молча призналъ наступленіе этой непріятной для него необходимости. Конторщикъ только того и

ждалъ; онъ моментально задулъ свою свѣчу и надѣлъ шляпу.

— Вы, полагаю, захотите воспользоваться цѣлымъ завтрашнимъ днемъ?—сухо спросилъ Скруджъ.

— Да, если это удобно, сэръ.

— Это совсѣмъ неудобно,—сказалъ Скруджъ,—и не честно. Еслибъ я удержалъ полкроны изъ вашего жалованья, вы навѣрное сочли бы себя обиженнымъ.

Конторщикъ слабо улыбнулся.

— Однако,—продолжалъ Скруджъ,—вы не считаете меня обиженнымъ, когда я даромъ плачѹ дневное жалованье.

Конторщикъ замѣтилъ, что это бываетъ только разъ въ году.

— Плохое извиненіе въ обкрадываніи чужого кармана каждое двадцать пятое декабря!—сказалъ Скруджъ, застегивая до подбородка свое пальто.— Но, полагаю, вамъ нуженъ цѣлый день. Зато на слѣдующее утро будьте здѣсь какъ можно раньше!

Конторщикъ обѣщалъ исполнить приказаніе, и Скруджъ вышелъ, бормоча что-то про себя. Контора была заперта во мгновеніе ока, и конторщикъ, съ болтавшимися ниже куртки концами своего бѣлаго шарфа (верхняго платья у него не было), разъ двадцать прокатился по льду замерзшей канавки позади цѣлой вереницы ребятишекъ — такъ радъ былъ онъ отпраздновать ночь на Рождество — а

затѣмъ во всю прыть побѣжалъ домой въ Кэмденъ Таунъ играть въ жмурки.

Скруджъ съѣлъ свой скучный обѣдъ въ своемъ обычномъ скучномъ трактирѣ; затѣмъ, прочтя всѣ газеты и проведя остатокъ вечера въ разсматриваніи своей записной банкирской книжки, отправился домой. Онъ занималъ помѣщеніе, принадлежавшее нѣкогда его покойному компаньону. Это былъ рядъ неприглядныхъ комнатъ въ большомъ, мрачномъ домѣ, въ глубинѣ двора; этотъ домъ былъ такъ не на мѣстѣ, что иной могъ подумать, что, будучи еще молодымъ домомъ, онъ забѣжалъ сюда, играя въ прятки съ другими домами, но, потерявъ дорогу назадъ, остался здѣсь. Теперь это было довольно старое зданіе, угрюмаго вида, потому что никто, кромѣ Скруджа, въ немъ не жилъ, а другія комнаты всѣ отдавались подъ конторы. На дворѣ стояла такая темнота, что даже Скруджъ, знавшій каждый камень, которымъ онъ былъ устланъ, долженъ былъ идти ощупью. Морозный туманъ такъ густо нависъ надъ старою темною дверью дома, что казалось, какъ будто геній погоды сидѣлъ въ мрачномъ раздумьѣ на его порогѣ.

Несомнѣнно, что, кромѣ большихъ размѣровъ, рѣшительно ничего особеннаго не было въ колотушкѣ, висѣвшей у двери. Одинаково вѣрно, что Скруджъ, за все время пребыванія своего въ этомъ домѣ, видалъ эту колотушку и утромъ и вечеромъ.

Къ тому же у Скруджа то, что называется воображеніемъ, отсутствовало въ одинаковой мѣрѣ, какъ и у любого обитателя лондонскаго Сити *). Не забудьте при этомъ, что Скруджъ ни разу не подумалъ о Марлеѣ съ тѣхъ поръ, какъ при разговорѣ въ конторѣ онъ упомянулъ о совершившейся семь лѣтъ тому назадъ его кончинѣ. И пусть теперь кто-нибудь объяснитъ мнѣ, если можетъ, какимъ образомъ могло случиться, что Скруджъ, вкладывая ключъ въ замокъ двери, увидаль въ колотушкѣ, которая никакого непосредственнаго превращенія не потерпѣла—не колотушку, а лицо Марлея.

Лицо это не было покрыто непроницаемымъ мракомъ, окутывавшимъ другіе бывшіе на дворѣ предметы—нѣтъ, оно слегка свѣтилось, какъ свѣтятся гнилые раки въ темномъ погребѣ. Въ немъ не было выраженія гнѣва или злобы, оно смотрѣло на Скруджа такъ, какъ, бывало, всегда смотрѣлъ Марлей—поднявъ очки на лобъ. Волосы стояли дыбомъ, какъ будто отъ дуновенія воздуха; глаза, хотя и совершенно открытые, были неподвижны. Видъ этотъ при сине-багровомъ цвѣтѣ кожи былъ ужасенъ, но этотъ ужасъ былъ какъ-то самъ по себѣ, а не въ лицѣ.

Когда Скруджъ пристальнѣе взгляделся въ это

---

*) Торговая часть Лондона.

явленіе, оно исчезло, и колотушка стала опять колотушкой.

Сказать, что онъ не былъ испуганъ, и что кровь его не испытала страшнаго ощущенія, которому онъ былъ чуждъ съ дѣтства,—было бы неправдой. Но онъ снова взялся за ключъ, который было уже выпустилъ, рѣшительно повернулъ его, вошелъ въ дверь и зажегъ свѣчку.

Но онъ остановился на минуту въ нерѣшительности, прежде чѣмъ затворилъ дверь, и сперва осторожно заглянулъ за нее, какъ бы отчасти ожидая быть испуганнымъ при видѣ если не лица Марлея, то косы его, торчащей въ сторону сѣней. Но сзади двери ничего не было, кромѣ винтовъ и гаекъ, на которыхъ держалась колотушка. Онъ только произнесъ: „фу! фу!“ и захлопнулъ дверь съ шумомъ.

Звукъ этотъ, какъ громъ, раздался по всему дому. Казалось, каждая комната наверху, каждая бочка въ подвалѣ виноторговца внизу обладала своимъ особымъ подборомъ эхо. Скрудъжъ былъ не изъ тѣхъ, которые боятся эхо. Онъ заперъ дверь, прошелъ черезъ сѣни и сталъ всходить по лѣстницѣ, но медленно, поправляя свѣчу.

Разсказываютъ про старинныя лѣстницы, будто по нимъ можно было вѣхаться шестерикомъ; а про эту лѣстницу можно подлинно сказать, что по ней легко бы можно было поднять цѣлую погребаль-

ную колесницу, да еще поставивъ ее поперекъ, такъ что дышло приходилось бы къ периламъ, а заднія колеса къ стѣнѣ. Мѣста для этого было бы вдоволь, да и еще осталось бы. По этой, можетъ быть, причинѣ Скруджу представлялось, что передъ нимъ подвигаются въ темнотѣ погребальныя дроги. Полдожины газовыхъ фонарей съ улицы не освѣтили бы достаточно входа,—такъ онъ былъ обширенъ; отсюда вамъ станетъ понятно, какъ мало свѣта давала свѣча Скруджа.

Скруджъ шелъ себѣ да шелъ, ни мало объ этомъ не беспокоясь; потемки не дорого стоятъ, а Скруджъ любилъ дешевизну. Однако, прежде чѣмъ запереть свою тяжелую дверь, онъ прошелъ по всѣмъ комнатамъ съ цѣлью убѣдиться, что все было въ порядкѣ. У него какъ разъ настолько осталось воспоминанія о лицѣ Марлея, чтобы пожелать исполнить эту предосторожность.

Гостиная, спальня, кладовая,—все какъ слѣдуетъ. Никого не оказалось ни подъ столомъ, ни подъ диваномъ; въ каминѣ маленькій огонь; на полкѣ камина приготовленныя ложка и миска да небольшая кастрюля съ кашицей (у Скруджа была немного простужена голова). Никого не нашлось ни подъ кроватью, ни въ шкафу, ни въ его халатѣ, висѣвшемъ въ нѣсколько подозрительномъ положеніи на стѣнѣ. Въ кладовой все тѣ же обычные предметы: старая рѣшетка отъ камина, старые са-

поги, двѣ корзины для рыбы, умывальникъ на трехъ ножкахъ и кочерга.

Вполнѣ успокоившись, онъ заперъ дверь и при этомъ дважды повернулъ ключъ, что не было въ его обыкновеніи. Обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ нечаянностей, онъ снялъ галстукъ, надѣлъ халатъ, туфли и ночной колпакъ, и сѣлъ передъ огнемъ ѣсть свою кашицу.

Не жаркій это былъ огонь, совсѣмъ не по такой холодной ночи. Ему пришлось сѣсть къ камину вплотную и еще нагнуться, прежде чѣмъ онъ могъ почувствовать хотя небольшую теплоту отъ такого малаго количества топлива. Каминъ былъ старинный, построенъ Богъ вѣсть когда какими-нибудь голландскими купцами и кругомъ выложенъ причудливыми голландскими изразцами, долженствовавшими изображать библейскія сцены. Тутъ были Каины и Авели, дочери фараона, савскія царицы, небесные посланники, сходящіе по воздуху на облакахъ, подобныхъ пуховымъ перинамъ, Авраамы, Валтазары, апостолы, пускающіеся въ море въ масленкахъ; сотни другихъ фигуръ, которыя могли бы привлечь къ себѣ мысли Скруджа. Тѣмъ не мене лицо Марлея, умершаго семь лѣтъ назадъ, являлось подобно жезлу пророка и поглощало все остальное. Если бы каждый изразецъ былъ гладкій и въ состояніи былъ бы отпечатлѣть на своей поверхности какое-нибудь изображеніе изъ несвязныхъ

отрывковъ его мыслей, на каждомъ изъ нихъ изобразилась бы голова стараго Марлея.

— Пустяки! — сказалъ Скруджъ и сталъ ходить по комнатѣ.

Пройдясь нѣсколько разъ, онъ сѣлъ опять. Когда онъ откинулъ голову на спинку кресла, взоръ его случайно остановился на колокольчикѣ, давно заброшенномъ, который висѣлъ въ комнатѣ, и для какой-то, теперь уже забытой, цѣли былъ проведенъ изъ комнаты, помѣщавшейся въ самомъ верхнемъ этажѣ дома. Къ великому изумленію и странному, необъяснимому ужасу Скруджа, когда онъ смотрѣлъ на колокольчикъ, тотъ началъ качаться. Онъ качался такъ слабо, что едва производилъ звукъ; но скоро онъ зазвонилъ громко, и ему началъ вторить каждый колокольчикъ въ домѣ.

Можетъ быть, это продолжалось полминуты или минуту, но Скруджу показалось часомъ. Колокольчики замолчали такъ же, какъ и начали — разомъ. Затѣмъ глубоко внизу послышался звенящій звукъ, какъ будто кто-нибудь тащилъ тяжелую цѣпь по бочкамъ въ подвалѣ виноторговца. Тутъ Скруджу пришли на память слышанные имъ когда-то рассказы, что въ домахъ, гдѣ есть домовые, послѣдніе описываются влекущими цѣпи.

Вдругъ дверь погреба съ шумомъ растворилась, звукъ сталъ гораздо громче; вотъ онъ доносится

съ пола нижняго этажа, затѣмъ слышится на лестницѣ и, наконецъ, направляется прямо къ двери.

— Все-таки это пустяки! — произнесъ Скруджъ. — Не вѣрю этому.

Однако, цвѣтъ лица его измѣнился, когда, не останавливаясь, звукъ прошелъ сквозь тяжелую дверь и остановился передъ нимъ въ комнатѣ. Въ эту минуту угасавшее въ каминѣ пламя вспыхнуло, какъ будто говоря: я знаю его! это духъ Марлея! и — снова упало.

— Да, это было то самое лицо. Марлей съ своей косою, въ своемъ жилетѣ, узкихъ обтянутыхъ панталонахъ и сапогахъ; кисточки на нихъ стояли дыбомъ, такъ же какъ и коса, полы кафтана и волосы на головѣ. Цѣпь, которую онъ носилъ съ собою, охватывала его поясицу и отсюда свѣшивалась сзади вродѣ хвоста. Это была длинная цѣпь, составленная — Скруджъ близко рассмотрѣлъ ее — изъ желѣзныхъ сундучковъ, ключей, висячихъ замковъ, конторскихъ книгъ, дѣловыхъ бумагъ и тяжелыхъ кошелековъ, обдѣланныхъ сталью. Тѣло его было прозрачно, такъ что Скруджъ, наблюдая за нимъ и смотря чрезъ его жилетку, могъ видѣть двѣ заднія пуговицы его кафтана.

Скруджъ часто слыхалъ отъ людей, что у Марлея не было ничего внутри, но онъ никогда до сихъ поръ не вѣрилъ этому.

Да и теперь онъ не вѣрилъ. Какъ онъ ни смотрѣлъ на призракъ, какъ хорошо ни видѣлъ его стоящимъ предъ собою, какъ ни чувствовалъ леденящій взоръ его мертвенно-холодныхъ глазъ, какъ ни различалъ даже самую ткань сложенного платка, которымъ была подвязана его голова и подбородокъ, и который онъ сначала не замѣтилъ,— онъ все-таки оставался невѣрующимъ и боролся съ собственными чувствами.

— Ну, что же?—сказалъ колко и холодно, какъ всегда, Скруджъ.—Что тебѣ отъ меня нужно?

— Многое!—раздался въ отвѣтъ несомнѣнный голосъ Марлея.

— Кто ты?

— Спроси меня, кто я былъ.

— Кто же былъ ты?—сказалъ Скруджъ, повышая голосъ.

— При жизни я былъ твоимъ компаньономъ, Яковомъ Марлеемъ.

— Можешь ли ты... можешь ли ты сѣсть?—спросилъ Скруджъ, сомнительно смотря на него.

— Могу.

— Такъ сядь.

Скруджъ сдѣлалъ этотъ вопросъ, не зная, можетъ ли духъ, будучи такимъ прозрачнымъ, сѣсть на стулъ, и тутъ же сообразилъ, что если бы это оказалось невозможнымъ, вызвало бы необходимость довольно неприятныхъ объясненій. Но при-

видѣніе сѣло по другую сторону камина, какъ будто было совершенно привычно къ этому.

— Ты не вѣришь въ меня?—замѣтилъ духъ.

— Нѣтъ, не вѣрю,—сказалъ Скруджъ.

— Какого доказательства желалъ бы ты въ моей дѣйствительности, сверхъ своихъ чувствъ?

— Я не знаю,—отвѣтилъ Скруджъ.

— Почему ты сомнѣваешься въ своихъ чувствахъ?

— Потому,—сказалъ Скруджъ,—что всякая бездѣлица на нихъ вліяетъ. Желудокъ не въ порядкѣ—и они начинаютъ обманывать. Можетъ быть, ты не больше, какъ непереваренный кусокъ мяса, комочекъ горчицы, крошка сыра, частица недоварившейся картофелины. Чтò бы тамъ ни было, но могильнаго въ тебѣ очень мало.

Не въ привычкѣ Скруджа было отпускать остроты, тѣмъ болѣе въ эту минуту ему было не до шутокъ. На самомъ дѣлѣ, если онъ теперь и старался острить, то лишь съ цѣлью отвлечь свое собственное вниманіе и подавить свой страхъ, такъ какъ голосъ привидѣнія тревожилъ его до самаго мозга костей.

Просидѣть и одну минуту, глядя въ упоръ въ эти неподвижные стеклянные глаза, было выше его силъ. Что еще особенно наводило ужасъ, это какая-то сверхъестественная атмосфера, обрѣжавшая привидѣніе. Скруджъ самъ не могъ ощущать

ее, тѣмъ не менѣе присутствіе ея было несомнѣнно, такъ какъ, несмотря на полную неподвижность духа, его волосы, фалды и кисточки,—все находилось въ движеніи, какъ будто ими двигалъ горячій паръ изъ печки.

— Видишь ты эту зубочистку? — спросилъ Скруджъ, стараясь хотя на секунду отвлечь отъ себя стеклянный взоръ своего загробнаго посетителя.

— Вижу,—отвѣтилъ духъ.

— Ты не смотришь на нее,—сказала Скруджъ.

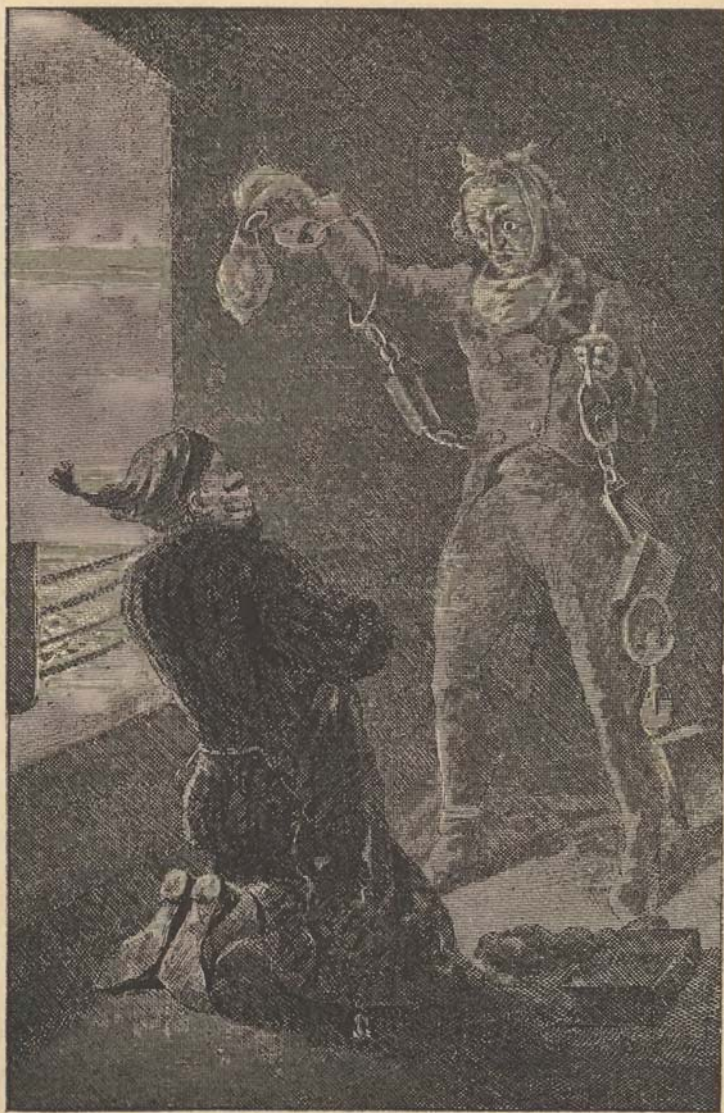
— Не смотрю, но все-таки вижу,—отвѣчалъ духъ.

— Такъ, — возразилъ Скруджъ. — Стоитъ мнѣ только проглотить ее, чтобы на весь остатокъ моей жизни подвергнуться преслѣдованію цѣлаго легіона привидѣній; и все это будетъ дѣло собственныхъ рукъ. Пустяки, повторяю тебѣ, пустяки!

При этихъ словахъ духъ поднялъ страшный крикъ и съ такимъ ужасающимъ звукомъ потрясъ своею цѣпью, что Скруджъ крѣпко ухватился за кресло, боясь упасть въ обморокъ. Но каковъ былъ его ужасъ, когда привидѣніе сняло съ головы свою повязку, какъ будто ему стало жарко отъ нея въ комнатѣ, и нижняя челюсть его упала на грудь.

Скруджъ бросился на колѣна и закрылъ лицо руками.

— Смилуйся, страшное видѣніе! — произнесъ онъ.—За что ты меня мучаешь?

...Скрудѣжъ бросился на колѣна и закрылъ лицо руками...

Стр. 30.

— Человѣкъ земныхъ помысловъ!—воскликнулъ духъ,—вѣришь ли ты въ меня или нѣтъ?

— Вѣрю,—сказалъ Скруджъ.—Я долженъ вѣрить. Но зачѣмъ духи ходятъ по землѣ и для чего являются они ко мнѣ?

— Отъ всякаго человѣка требуется,—отвѣтило видѣніе,—чтобы духъ, живущій въ немъ, посѣщалъ своихъ ближнихъ и ходилъ для этого повсюду; и если этотъ духъ не странствуетъ такимъ образомъ при жизни человѣка, то осуждается на странствованіе послѣ смерти. Онъ обрекается скитанію по свѣту—о, увы мнѣ!—и долженъ быть свидѣтелемъ того, въ чемъ участія принять уже не можетъ, но могъ бы, пока жилъ на землѣ, и тѣмъ достигъ бы счастья!

Духъ снова поднялъ крикъ, потрясая свою цѣпь и ломая себѣ руки.

— Ты въ оковахъ,—сказалъ Скруджъ дрожа.— Скажи, почему?

— Я ношу цѣпь, которую [сковалъ себѣ при жизни,—отвѣтилъ духъ.—Я работалъ ее звено за звеномъ, ярдъ за ярдомъ; я опоясался ею по своей собственной волѣ и по собственной же свободной волѣ ношу ее. Развѣ рисунокъ ея не знакомъ тебѣ?

Скруджъ дрожалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— И если бы ты зналъ,—продолжалъ духъ,—какъ тяжела и длинна цѣпь, которую ты самъ носишь! Еще семь лѣтъ тому назадъ она была такъ же

тяжела и длинна, какъ вотъ эта. А съ тѣхъ поръ ты надъ ней много потрудился. О, это тяжелая цѣпь!

Скрудзь посмотрѣлъ на полъ около себя, ожидая увидѣть себя окруженнымъ пятидесяти-саженнымъ желѣзнымъ канатомъ, однако ничего не увидалъ.

— Яковъ!—произнесъ онъ умоляющимъ тономъ. Старинный мой Яковъ Марлей, повѣдай мнѣ еще. Скажи мнѣ что-нибудь утѣшительное, Яковъ.

— У меня нѣтъ утѣшенія,—отвѣтилъ духъ.— Оно приходитъ изъ другихъ сферъ, Эбенизеръ Скрудзь, и сообщается чрезъ иное посредство иного рода людямъ. И сказать тебѣ того, что бы хотѣлъ, я не могу. Лишь немного еще дозволено мнѣ. Для меня нѣтъ ни остановки, ни покоя. Мой духъ никогда не выходилъ за стѣны нашей конторы—замѣть себѣ!—при жизни духъ мой никогда не покидалъ тѣсныхъ предѣловъ нашей мѣняльной лавчонки, за то теперь передо мною безконечный тягостный путь!

У Скруджа была привычка опускать руки въ карманы брюкъ, когда онъ задумывался. Такъ сдѣлалъ онъ и теперь, размышляя о словахъ духа, но все не поднимая глазъ и не вставая съ колѣнъ.

— Ты, должно быть, очень медленно совершаешь свое путешествіе, Яковъ,—замѣтилъ Скрудзь дѣловымъ, хотя и почтительно-скромнымъ тономъ.

— Медленно!—повторилъ духъ.

— Семь лѣтъ какъ умеръ,—удивлялся Скруджъ,— и все еще странствуетъ.

— Да, все время,—сказалъ духъ,—не зная ни отдыха, ни покоя, и подъ непрерывной пыткой угрызенія совѣсти.

— Ты скоро путешествуешь?—спросилъ Скруджъ.

— На крыльяхъ вѣтра.

— Много ты успѣлъ пройти за семь лѣтъ.

При этихъ словахъ духъ снова вскрикнулъ и такъ неистово загремѣлъ своею цѣпью среди мертвой тишины ночи, что полиція была бы въ правѣ назвать это нарушеніемъ порядка.

— О, жалкій узникъ, скованный по рукамъ и по ногамъ!—воскликнуло привидѣніе.—Не знать, что вѣка непрестаннаго труда безсмертныхъ твореній должны отойти въ вѣчность, прежде чѣмъ восполнится мѣра добра, на которое земной міръ способенъ. Не знать, что всякая христіанская душа, дѣлающая добро въ своей ограниченной области, какова бы она ни была, не можетъ не видѣть, что земная жизнь ея слишкомъ коротка для ея обширныхъ средствъ къ добру и служенію ближнимъ. Не знать, что никакіе вѣка раскаянія не могутъ возратить того, что упущено при жизни! А я былъ такимъ! О, я былъ такимъ!

— Но вѣдь ты всегда былъ хорошимъ дѣловымъ

человѣкомъ, Яковъ,—произнесъ Скруджъ, который началъ прилагать это къ себѣ.

— Дѣловой!—воскликнулъ духъ, опять ломая себѣ руки.—Заботы о человѣческомъ родѣ, объ общемъ благѣ были моимъ дѣломъ; любовь къ ближнему, милосердіе и благотворительность,—все это было моимъ дѣломъ. Занятія торговлей составляли лишь каплю въ обширномъ океанѣ моихъ трудовъ.

Онъ вытянулъ руку, держа свою цѣпь, какъ будто въ ней была причина его безплодныхъ сокрушеній, и съ силою бросилъ ее опять на полъ.

— Въ эту пору истекающаго года,—сказалъ духъ,—я страдаю больше всего. Зачѣмъ я, проходя между толпами своихъ ближнихъ, смотрѣлъ все внизъ и ни разу не поднялъ глазъ на ту благословенную звѣзду, которая привела мудрецовъ къ убогому жилищу? Развѣ не было бѣдныхъ домовъ, къ которымъ свѣтъ ея привелъ бы меня!

Скруджу страшно было это слышать, и онъ началъ дрожать всеѣмъ тѣломъ.

— Слушай!—воскликнулъ духъ.—Мнѣ остается мало времени.

— Я буду слушать,—сказалъ Скруджъ.—Но не будь жестокъ ко мнѣ! Говори проще, Яковъ! Прошу тебя!

— Какъ это происходитъ, что я являюсь передъ тобою въ видимомъ для тебя образѣ, того я не могу

сказать тебѣ. Невидимо я сидѣлъ рядомъ съ тобою въ теченіе многихъ, очень многихъ дней.

Мысль объ этомъ была не изъ пріятныхъ. Скруджъ содрогнулся и вытеръ выступившій у него на лбу потъ.

— Это одна изъ моихъ сильнѣйшихъ очистительныхъ жертвъ, — продолжалъ духъ. — Въ эту ночь я здѣсь для того, чтобы предупредить тебя, что у тебя есть еще случай и надежда избѣгнуть моей участи. Тѣмъ и другимъ ты мнѣ обязанъ, Эбенизеръ.

— Ты былъ мнѣ всегда хорошимъ другомъ, — сказала Скруджъ. — Благодарю тебя!

— Къ тебѣ явятся, — возразило видѣніе, — три духа.

Лицо Скруджа сдѣлалось при этихъ словахъ почти такъ же длинно, какъ и у его загробнаго посѣтителя.

— Это тотъ самый случай и надежда, о которыхъ ты упомянулъ, Яковъ? — спросилъ онъ голосомъ виноватаго.

— Да.

— Знаешь что? Мнѣ бы этого не хотѣлось, — сказала Скруджъ.

— Безъ ихъ посѣщенія, — отвѣтилъ духъ, — ты не можешь надѣяться избѣжать пути, которымъ я иду. Ожидай перваго завтра, когда пробьетъ часъ.

— Нельзя ли мнѣ принять ихъ всѣхъ сразу и тѣмъ покончить съ ними, Яковъ?—вставилъ Скруджъ.

— Ожидай второго въ слѣдующую ночь и въ тотъ же часъ. Третьяго—еще черезъ сутки, какъ только пробьетъ полночь. Меня больше не жди, но ради собственнаго блага не забудь того, что произошло между нами!

Сказавъ эти слова, привидѣніе взяло со стола свою повязку и попережнему подвязало ею голову. Скруджъ узналъ объ этомъ по легкому звуку, произведенному зубами привидѣнія, когда повязкой челюсти были сдвинуты вмѣстѣ. Онъ рѣшился снова поднять глаза и увидалъ, что его сверхъестественный собесѣдникъ уже стоитъ передъ нимъ, и цѣпь попережнему обвита вокругъ его тѣла и руки.

Привидѣніе стало отодвигаться отъ него задомъ, и съ каждымъ его шагомъ окно понемногу открывалось, такъ что, когда духъ дошелъ до него, оно было уже открыто настежь. Онъ знакомъ приказалъ Скруджу приблизиться, что тотъ и сдѣлалъ. Когда они были на разстояніи двухъ шаговъ другъ отъ друга, духъ Марлея поднялъ руку, предупреждая его не подходить ближе. Скруджъ остановился, но не столько изъ повиновенія, сколько пораженный удивленіемъ и страхомъ, потому что въ то мгновеніе, какъ привидѣніе подняло руку, до слуха Скруджа донесся раздававшійся въ воздухѣ неясный шумъ какихъ-то несвязныхъ воплей раская-

нія, невыразимо горестныхъ стоновъ самообвиненія. Привидѣніе, прислушавшись на минуту, затянуло ту же жалобную пѣснь и исчезло въ мракѣ холодной ночи.

Скрудзь подошелъ къ окну и, влекомый любопытствомъ, выглянулъ наружу.

Воздухъ былъ наполненъ привидѣніями, которыя, жалобно стелясь, безостановочно носились взадъ и впередъ. Каждое изъ нихъ тащило цѣпь, похожую на цѣпь Марлея; нѣкоторые были скованы вмѣстѣ, но ни одно не свободно отъ узъ. Многихъ Скрудзь зналъ лично при ихъ жизни. Особенно близко знакомъ онъ былъ когда-то съ однимъ изъ нихъ: это былъ старикъ, въ бѣломъ жилетѣ; къ ногѣ его былъ привязанъ громадный желѣзный сундукъ; старикъ горько и громко плакалъ, что не въ состояніи помочь бѣдной женщинѣ съ ребенкомъ, которую видѣлъ внизу у порога одного дома. Горе всѣхъ ихъ, очевидно, заключалось въ томъ, что имъ хотѣлось бы вмѣшаться, съ доброю цѣлью, въ людскія дѣла, но возможность для этого миновала для нихъ навсегда.

Сами ли эти существа поблекли въ туманѣ, или туманъ закуталъ ихъ, Скрудзь не могъ сказать. Но съ исчезновеніемъ ихъ смолкли и ихъ неземные голоса, и ночь стала опять такою же, какою она была, когда онъ шелъ домой.

Скрудзь закрылъ окно и осмотрѣлъ дверь, чрезъ

которую вошелъ духъ. Она оказалась на двойномъ запорѣ, какъ онъ собственноручно заперъ ее, и задвижки были не тронуты. Онъ было хотѣлъ опять сказать: „пустяки“, но удержался на первомъ же слогѣ. Затѣмъ, отъ перенесенныхъ ли имъ волненій, вслѣдствіе ли дневныхъ трудовъ, или мимо-летно упавшаго на него отблеска невидимаго міра, или отъ печальной бесѣды съ духомъ, или, наконецъ, за позднимъ часомъ ночи,—но онъ сильно нуждался въ покоѣ; поэтому, не раздѣваясь, легъ въ постель и въ ту же минуту заснулъ.

II.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ ТРЕХЪ ДУХОВЪ.

огда Скруджъ проснулся, было такъ темно, что, выглянувъ изъ-за занавѣсокъ постели, онъ едва могъ различить просвѣтъ окна отъ непрозрачныхъ стѣнъ своей комнаты. Пока онъ усиливался проникнуть сквозь темноту своими зоркими, какъ у хорька, глазами, колокола сосѣдней церкви пробили четыре четверти. Онъ сталъ прислушиваться, сколько они пробьютъ часовъ.

Къ великому его удивленію, тяжелый колоколъ переходилъ отъ шести къ семи, отъ семи къ восьми

и такъ попорядку, пока пробилъ, наконецъ, двѣнадцать и—остановился. Двѣнадцать! Былъ третій часъ, когда онъ легъ въ постель. Часы врутъ. Должно быть, сосулька льда попала въ ихъ механизмъ. Неужели двѣнадцать часовъ!

Онъ нажалъ пружинку своего репетитора, чтобы узнать настоящій часъ. Репетиторъ быстро прозвонилъ двѣнадцать и смолкъ.

— Какъ? Не можетъ быть, чтобы я проспалъ цѣлый день и прихватилъ еще изрядную часть слѣдующей ночи. Нельзя же допустить, чтобы что-нибудь случилось съ солнцемъ, и что теперь двѣнадцать часовъ дня?—сказалъ Скруджъ.

Такъ какъ эта мысль не могла не встревожить его, то онъ кое-какъ выбрался изъ постели и ошущю добрель до окна. Ему пришлось рукавомъ халата протереть замерзшее стекло, прежде чѣмъ онъ могъ увидать что-нибудь, да и тогда почти ничего не было видно. Оказалось только, что по-прежнему стоялъ густой туманъ, и было очень холодно, на улицѣ никакого шума, ни малѣйшей суетни; а это непременно бы случилось, если бы ночь нагрянула вдругъ, среди бѣлаго дня, и завладѣла свѣтомъ. Легко вздохнулъ Скруджъ, убѣдившись, что съ этой стороны тревога его была напрасна. А то представьте себѣ безпомощное положеніе человѣка: текстъ векселя гласить: „черезъ три дня по предъявленіи заплатите Эбенизеру

Скруджъ или его приказу“ и т. д. — а какіе же тогда дни считать?

Скруджъ снова улегся въ постель и началъ думать, думать и думать, но ни до чего не могъ додуматься. Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше становился втупикъ, и чѣмъ больше старался не думать, тѣмъ неотвязчивѣе были его мысли. Духъ Марлея рѣшительно не давалъ ему покоя. Каждый разъ, какъ онъ, послѣ зрѣлаго размышленія, рѣшалъ въ себѣ, что все это былъ сонъ, умъ его отпрядывалъ опять назадъ, подобно отпущенной пружинѣ, къ своему первому положенію и представлялъ на рѣшеніе все ту же задачу: „сонъ это былъ или нѣтъ?“

Скруджъ пролежалъ въ этомъ состояніи, пока часы пробили еще три четверти. Тогда онъ вдругъ вспомнилъ слова Марлея, что одинъ изъ возвѣщенныхъ имъ посѣтителей явится, когда колоколь пробьетъ часъ. Онъ рѣшилъ лежать съ открытыми глазами, пока этотъ часъ не наступитъ. Если принять въ соображеніе, что ему такъ же трудно было бы заснуть, какъ и взойти на небо, то это было, пожалуй, самое мудрое рѣшеніе, на которомъ онъ могъ остановиться.

Эта четверть тянулась такъ долго, что Скруджъ не одинъ разъ приходилъ къ убѣжденію въ томъ, что незамѣтно для себя засыпалъ и не слышалъ

боя. Наконецъ, до его напряженнаго слуха донесся первый ударъ.

„Динъ, донъ!“

— Четверть, — сказала Скруджъ, прислушиваясь.

„Динъ, донъ!“

— Половина, — сказала Скруджъ.

„Динъ, донъ!“

— Три четверти, — сосчитала Скруджъ.

„Динъ, донъ!“

— Вотъ и часъ, — произнесъ Скруджъ, торжествуя: — а ничего нѣтъ!

Онъ проговорилъ эти слова прежде, чѣмъ замеръ послѣдній звукъ колокола, отличавшійся на этотъ разъ какимъ-то особенно глубокимъ, глухимъ, печальнымъ тономъ. Въ комнатѣ вдругъ блеснула свѣтъ, и занавѣски его постели раздвинулись.

Замѣтите: онѣ были раздвинуты рукою; не тѣ занавѣски, что приходились у него надъ головою, и не тѣ, что были сзади, но именно та часть ихъ, куда обращено было его лицо. Пораженный такимъ неожиданнымъ явленіемъ, Скруджъ привскочилъ наполовину и очутился лицомъ къ лицу съ неземнымъ посѣтителемъ, который ихъ отодвинулъ. Онъ очутился къ нему такъ же близко, какъ я къ вамъ теперь.

Это была странная фигура — какъ будто ребенокъ, но въ то же время еще болѣе похожая на

...Скружь привскочилъ наполовину и очутился лицомъ къ лицу съ
неземнымъ посѣтителемъ...

Стр. 42.

старика. Смотрѣть на нее приходилось сквозь какую-то сверхъестественную среду, благодаря которой она виднѣлась какъ бы вдаль, и отъ разстоянія размѣры ея казались дѣтскими. Волосы призрака свѣшивались ему на шею и спину и были старчески бѣлы; но на лицѣ не было ни морщинки, и самый нѣжный пушокъ покрывалъ его кожу. Руки были длинны и мускулисты, какъ бы обличая необыкновенную силу. Ноги, очень изящно сложенные, были, какъ и верхнія оконечности, голы. Станъ его одѣвала бѣлая, какъ снѣгъ, туника, а талію охватывалъ восхитительно блестящій поясъ. Въ рукахъ онъ держалъ свѣжую вѣтку зеленаго остролистника, за то, въ противоположность этой эмблемѣ зимы, платье его было украшено лѣтними цвѣтами. Всего же замѣчательнѣе въ немъ было то, что съ верхушки его головы выходилъ яркій лучъ свѣта, которымъ все это и освѣщалось. Навѣрное, по причинѣ этого свѣта у него подъ мышкой вмѣсто шапки былъ большой гасильникъ, который онъ надѣвалъ на себя въ минуты своего затменія.

Но даже и не это еще оказалось самою странною особенностью призрака, когда Скруджъ пристально всмотрѣлся въ него. Верхомъ чудснаго былъ поясъ: онъ искрился и переливался то въ одной, то въ другой своей части; то, что свѣтилось въ одну минуту, было темно въ другую, а вмѣстѣ

съ нимъ то освѣщалась, то поворачалась и самая фигура видѣнія; то у него одна рука, то одна нога, то вдругъ какъ бы двадцать ногъ, или двѣ ноги безъ головы, или одна голова безъ тѣла, такъ что никакъ нельзя было уловить очертанія его отдѣльныхъ частей, когда онѣ вдругъ быстро исчезали, едва успѣвъ освѣтиться. Потомъ всѣ эти переливы внезапно пропадали, и призракъ становился опять самимъ собою, яснымъ и лучезарнымъ попрежнему.

— Ты духъ, появленіе котораго было мнѣ предсказано?—спросилъ Скруджъ.

— Я.

Голосъ былъ пріятный и нѣжный и настолько тихій, что какъ будто доносился издалека.

— Кто и что ты?—освѣдомился Скруджъ.

— Я духъ прошедшаго Рождества.

— Давно прошедшаго?—допытывался Скруджъ, смотря на маленькій ростъ призрака.

— Нѣтъ, твоего прошедшаго.

Скруджу очень хотѣлось посмотрѣть на духа въ шапкѣ, и онъ попросилъ его накрыться. Вѣроятно Скруджъ и не сумѣлъ бы объяснить этого желанія, если бы кто-нибудь спросилъ его.

— Какъ!—воскликнулъ духъ,—уже такъ скоро ты хочешь своими земными руками погасить свѣтъ, который я даю? Развѣ не довольно того, что ты принадлежишь къ числу людей, чьи страсти создали эту шапку и заставляютъ меня въ теченіе

долгаго ряда лѣтъ носить ее нахлобученною до бровей!

Скруджъ почтительно отрекся отъ всякаго намѣренія нанести духу обиду, а тѣмъ менѣе сознательно. Затѣмъ, онъ смѣло спросилъ его, по какому дѣлу онъ къ нему явился.

— Ради твоего благополучія! — сказалъ духъ.

Скруджъ выразилъ свою благодарность, но не могъ не подумать, что этой цѣли скорѣе соотвѣтствовала бы ночь ненарушимаго покоя. Вѣроятно духъ узналъ его мысль, и сказалъ:

— Ну, такъ ради твоего исправленія. Берегись!

Говоря это, онъ своею сильною рукою схватилъ руку Скруджа.

— Вставай и иди со мною!

Напрасно сталъ бы Скруджъ представлять резоны противъ удобства путешествовать пѣшкомъ въ такую погоду и въ такой часъ; тщетно бы онъ сталъ доказывать, что въ постели тепло, а термометръ показываетъ гораздо ниже нуля, что одѣтъ онъ очень легко: въ туфляхъ, халатѣ да ночномъ колпакѣ, и что ему не совсѣмъ здоровится: рука хотя и нѣжная, какъ у женщины, не допускала сопротивленія. Онъ всталъ, но, видя, что духъ направляется къ окну, съ мольбою схватился за его платье

— Я смертный, — упрасивалъ онъ, — и могу упасть.

— Дай мнѣ только коснуться тебя вотъ здѣсь, — сказала духъ, кладя ему руку на сердце, — и тогда ты и больше этого вынесешь!

Едва были произнесены эти слова, какъ они прошли сквозь стѣну и очутились на открытой проселочной дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой широко разстилались поля. Городъ совершенно исчезъ изъ вида, незамѣтно было и слѣда его. Вмѣстѣ съ нимъ пропали и темнота и туманъ, такъ какъ стоялъ ясный, холодный зимній день, и снѣгъ покрывалъ землю.

— Богъ мой! — воскликнулъ Скруджъ, всплеснувъ руками и осматриваясь по сторонамъ. — Я родился здѣсь. Я былъ здѣсь мальчикомъ!

Духъ кротко поглядѣлъ на него. Его нѣжное прикосновеніе, хотя оно было легко и кратковременно, еще живо отзывалось въ ощущеніяхъ старика. Онъ почувствовалъ тысячи благоуханій, носившихся въ воздухѣ, и каждое изъ нихъ соединялось для него съ тысячами мыслей и надеждъ, и заботъ, и радостей, давно давно, забытыхъ!

— У тебя дрожать губы, — сказала духъ. — А что это у тебя на щекѣ?

Скруджъ съ необычною для него дрожью въ голосѣ невнятно отвѣтилъ, что это родинка, и попросилъ духа вести его, куда онъ хочетъ.

— Ты помнишь эту дорогу? — спросилъ духъ.

— Какъ не помнить! — отозвался Скруджъ го-

рячо. — Я бы могъ пройти по ней съ завязанными глазами!

— Странно, что ты столько лѣтъ объ ней не вспомнилъ, — замѣтилъ духъ. — Пойдемъ дальше.

Они пошли вдоль дороги. Скруджъ узнавалъ каждую ворота, каждый столбъ, каждое дерево. Наконецъ, вдали сталъ виденъ небольшой городокъ съ мостомъ, церковью и вьющеюся, какъ лента, рѣкой. Навстрѣчу имъ показалось нѣсколько мохнатыхъ пони, на которыхъ ѣхали верхомъ мальчики, перекликавшіеся съ другими мальчиками, ѣхавшими въ деревенскихъ телѣгахъ и повозкахъ, гдѣ кучерами были фермеры. Всѣ эти мальчики были очень веселы и такъ громко переговаривались между собою, что крики ихъ далеко разносились по широкимъ полямъ, раскатываясь въ свѣжемъ морозномъ воздухѣ.

— Это лишь тѣни бывшихъ вещей, — сказала духъ. — Онѣ не замѣчаютъ нашего присутствія.

Веселые путники скоро поровнялись съ ними, и тутъ Скруджъ узнавалъ всѣхъ, называя каждого по имени. Отчего это ему такъ невыразимо пріятно было видѣть ихъ? Отчего такъ блистала его холодный взоръ, такъ трепетало его сердце, когда они проѣзжали мимо? Отчего онъ полонъ былъ радости, слыша ихъ взаимное привѣтствіе съ веселымъ праздникомъ, когда они разѣзжались при поворотахъ по разнымъ дорогамъ, направляясь каждый подъ

свою родную кровлю? Что значить веселое Рождество для Скруджа? Прочь съ веселымъ Рождествомъ! Что добраго онъ видѣлъ отъ него когда-нибудь?

— Школа еще не совсѣмъ опустѣла, — сказалъ духъ. — Тамъ еще остался одинъ ребенокъ, о котормъ забыли его друзья.

Скруджъ сказалъ, что ему это извѣстно, и вздохнулъ.

Они повернули съ большой дороги въ хорошо памятный ему переулокъ и скоро дошли до непригляднаго зданія изъ краснаго кирпича; на крышѣ его возвышался увѣнчанный флюгеромъ куполь, подъ которымъ висѣлъ колоколь. Это былъ обширный домъ, когда-то богатый, а теперь запущенный; его просторныя комнаты были почти пусты, стѣны сыры и покрыты мохомъ, окна повывбиты, двери покосились. Въ конюшняхъ бродили, кудахтая, куры, а сарай и навѣсы поросли травой. Да и внутри дома не больше оставалось слѣдовъ прежняго его состоянія: когда они вошли въ мрачныя сѣни и заглянули чрезъ открытыя двери въ цѣлый рядъ комнатъ, то оказалось, что хотя онѣ были велики, но холодны и очень бѣдно меблированы. Въ воздухѣ пахло гнилью; голо и безжизненно смотрѣло все кругомъ; вообще какъ-то чувствовалось, что здѣсь любили вставать при свѣчахъ и питаться впроголодь.

Духъ и Скруджъ направились чрезъ сѣни къ двери, ведущей въ заднюю половину дома. Дверь передъ ними растворилась и открыла глазамъ ихъ длинную, безъ всякихъ украшеній, мрачную комнату, которая еще тоскливѣе казалась отъ разставленныхъ въ ней рядами скамеекъ и конторокъ. За одной изъ нихъ, невдалекѣ отъ едва топившагося камина, сидѣлъ одинокій мальчикъ и читалъ книгу. И Скруджъ сѣлъ на одну изъ скамеекъ и горько заплакалъ при видѣ этого бѣднаго забытаго ребенка, въ которомъ онъ узналъ себя.

Каждый едва уловимый звукъ, раздававшійся въ домѣ: и возня мышей за стѣнной панелью, и капель полуоттаявшаго жолоба на заднемъ дворѣ, и легкій шумъ вѣтвей безлиснаго унылаго тополя, и скрипъ двери въ пустой кладовой, и слабое потрескиванье огня, — все отзывалось въ сердцѣ Скруджа смягчающимъ вліяніемъ, и все свободнѣе и свободнѣе текли его слезы.

Духъ дотронулся до его руки и указалъ ему на прежняго маленькаго Скруджа, углубившагося въ свое чтеніе. Вдругъ подъ окномъ явился какой-то человѣкъ въ странной чужеземной одеждѣ, но совѣмъ какъ настоящій, живой человѣкъ, съ топоромъ за поясомъ и державшій въ поводу осла, нагруженнаго дровами.

— Ахъ, да это Али-Баба! — закричалъ Скруджъ въ восторгѣ. — Это дорогой, честный старикъ Али-

Баба! Да, да, знаю! Одинъ разъ, на Рождествѣ, какъ тотъ покинутый ребенокъ оставался здѣсь совсѣмъ одинъ, онъ пришелъ въ первый разъ совсѣмъ вотъ какъ сейчасъ. Бѣдный мальчикъ! И Валентинъ,—продолжалъ Скруджъ,—и его дикій братъ, Орсонъ, вонъ они идутъ! А какъ, бишь, зовутъ того, что спящимъ былъ спущенъ въ своихъ панталонахъ у воротъ Дамаска; развѣ ты не видишь его? А султанскій конюхъ, котораго геніи поставили вверхъ ногами! вонъ онъ на головѣ стоитъ! По дѣломъ ему. Я очень радъ. Съ какой стати ему жениться на принцессѣ!

Если бы кто-нибудь изъ дѣловыхъ друзей Скруджа посмотрѣлъ на него въ эту минуту, когда онъ, откинувъ всю серьезность своей натуры, такъ искренно увлекался подобными вещами, выражая свой восторгъ самымъ необыкновеннымъ голосомъ, и смѣяся и плача въ одно и то же время, тотъ, навѣрное, не повѣрилъ бы собственнымъ глазамъ.

— А вотъ и попугай!—воскликнулъ Скруджъ.—Самъ зеленый, а хвостъ желтый, и на головѣ точно салатъ выросъ, вотъ онъ! Бѣдный Робинъ Крузо!—кричалъ онъ ему, когда тотъ возвращался домой, объѣхавъ весь островъ.—Бѣдный Робинъ Крузо, гдѣ ты былъ, Робинъ Крузо? Человѣкъ подумалъ, что во снѣ это слышать; совсѣмъ нѣтъ. Это былъ попугай, ты знаешь. Вонъ Пятница ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, спѣша къ заливу! Гипъ, гопъ, ура!

Вдругъ, съ весьма чуждою его обычному характеру быстротою перехода, онъ, жалѣя своего прежняго я, произнесъ:

— Бѣдный мальчикъ!

И опять заплакалъ.

— Хотѣлось бы,—проговорилъ Скруджъ невнятно, опуская руку въ карманъ и смотря около себя, вытеревъ себѣ сперва глаза рукавомъ, — но теперь уже поздно.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ духъ.

— Ничего,—отвѣтилъ Скруджъ.—Ничего. Вчера какой-то бѣдный мальчикъ приходилъ было ко мнѣ Христа славить. Мнѣ хотѣлось бы дать ему что-нибудь, вотъ и все.

Духъ задумчиво улыбулся и махнулъ рукою, говоря:

— Посмотримъ другое Рождество!

При этихъ словахъ прежній маленькій Скруджъ сталъ больше, и комната сдѣлалась нѣсколько темнѣе и грязнѣе. Панели растрескались; стекла въ окнахъ полопались; штукатурка съ потолка мѣстами пообвалилась, обнаживъ рѣшетку изъ драни; но какъ все совершилось, Скруджъ такъ же мало зналъ, какъ и вы. Одно онъ только зналъ, что все это было вѣрно, все это такъ и произошло когда-то на самомъ дѣлѣ—что онъ опять былъ одинокъ здѣсь, когда всѣ другіе мальчики уѣхали по домамъ веселиться на праздникахъ.

Только онъ не читаль теперь, а ходилъ взадъ и впередъ въ отчаяніи. Скруджь посмотрѣлъ на духа и, грустно покачивая головою, въ тоскливомъ ожиданіи глядѣлъ на дверь.

Она отворилась, и въ нее быстро вбѣжала дѣвочка, гораздо моложе мальчика, и, обвивъ его шею руками и цѣлуя, называла его: „мильї, милый братецъ“.

— Я за тобой прїѣхала, милый братецъ!—сказала она, всплеснувъ своими тонкими ручонками и готовясь разсмѣяться. — Домой, домой повезу тебя, домой!

— Домой, Фанни?—переспросилъ мальчикъ.

— Да! — воскликнулъ ребенокъ, сіяя отъ радости. — Домой совсѣмъ и навсегда. Отецъ сталъ теперь гораздо добрѣе; дома у насъ какъ въ раю! Онъ такъ ласково говорилъ со мною какъ-то вечеромъ, когда я шла спать, что я не побоялась спросить его, можно ли тебѣ вернуться къ намъ, и онъ сказалъ: „да, онъ вернется“, и велѣлъ мнѣ за тобою ѣхать. И ты будешь мужчиной!—сказалъ ребенокъ, раскрывая глаза:—и никогда уже больше сюда не вернешься; но сначала мы вмѣстѣ проведемъ всѣ праздники и навеселимся досыта.

— Ты у меня совсѣмъ какъ большая, Фанни!—сказалъ мальчикъ.

Она ударила въ ладоши и, весело смѣясь, ста-

ралась достать до его головы; но такъ какъ была еще мала ростомъ, то только опять засмѣялась и встала на цыпочки, чтобы обнять его. Затѣмъ она начала со свойственною дѣтямъ настойчивостью тащить его къ дверямъ, куда очень охотно онъ и пошелъ за нею.

Вдругъ раздался страшный голосъ: „Снесите внизъ сундукъ мастера Скруджа!“ и въ сѣняхъ появился самъ школьный учитель; онъ посмотрѣлъ на мастера Скруджа съ какимъ-то свирѣпымъ снихожденіемъ и, подавъ ему руку, привелъ его въ состояніе ужаса. Затѣмъ онъ повелъ обоихъ въ свою холодную и сырую гостиную, гдѣ висѣвшія на стѣнахъ карты и разставленные по окнамъ глобусы отъ холода покрыты были точно инеемъ. Тутъ онъ досталъ графинъ съ замѣчательно легкимъ виномъ и кусокъ замѣчательно тяжелаго пирога и началъ угощать этимъ дѣтей. Въ то же время велѣлъ своему тощему слугѣ вынести стаканчикъ „чего-нибудь“ кучеру; тотъ велѣлъ поблагодарить барина, сказавъ, впрочемъ, что если это такой же напитокъ, какой онъ пробовалъ прошлый разъ, то „лучше не надо“. Такъ какъ за это время багажъ мастера Скруджа оказался уже привязаннымъ на верху экипажа, то дѣти очень охотно поспѣшили распрощаться съ учителемъ, сѣли въ повозку и весело покатали домой.

— Она была всегда очень нѣжнаго сложенія,

готовая увянуть отъ малѣйшаго вѣтерка, — сказала духъ. — За то какое любящее было у нея сердце!

— Твоя правда, — отозвался Скруджъ. — Спаси меня Богъ отвергать это.

— Она умерла уже замужемъ, — прибавилъ духъ, — и, кажется, у нея были дѣти.

— Одинъ только ребенокъ, — поправилъ Скруджъ.

— Вѣрно, — сказала духъ. — Это твой племянникъ.

Скруджъ почувствовалъ себя неловко и коротко отвѣтилъ: — „Да“.

Хотя и минуты не прошло еще, какъ они покинули школу, но успѣли уже очутиться въ оживленной части какого-то города, гдѣ происходила обычная уличная суета, двигались взадъ и впередъ прохожіе, тѣснились, прокладывая себѣ дорогу, всевозможные экипажи и тяжелыя фуры. По убранству лавокъ очевидно было, что и здѣсь справлялось Рождество; но былъ вечеръ, и на улицахъ горѣли фонари.

Духъ остановился у дверей одной конторы и спросилъ Скруджа, знакома ли она ему.

— Еще бы! — отвѣтилъ онъ. — Вѣдь я здѣсь былъ въ ученьи!

Они вошли. При видѣ пожилого господина въ большомъ парикѣ, сидѣвшаго за такой высокой конторкой, что если бы она только еще на вершокъ была повыше, то онъ ударился бы головой

о потолокъ, Скруджъ въ сильномъ волненіи воскликнулъ:

— Да вѣдь это старикъ Феззивигъ! Ей-богу, это онъ, живой опять!

Старый Феззивигъ положилъ перо и посмотрѣлъ на часы, которые показывали семь. Онъ потеръ руки, поправилъ свой широкій жилетъ и, какъ бы улыбаясь всѣмъ своимъ существомъ, пріятнымъ, жирнымъ, веселымъ голосомъ крикнулъ:

— Эй, гдѣ вы тамъ! Эбенизеръ! Дикъ!

Прежній Скруджъ, теперь уже молодой человекъ, быстро вбѣжалъ въ комнату вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, другимъ ученикомъ.

— Такъ и есть, это Дикъ Вилькинсъ!—сказалъ Скруджъ, обращаясь къ духу.—Ахъ, Господи, онъ это, онъ! Какъ онъ былъ ко мнѣ привязанъ, бѣдный, милый Дикъ.

— Вотъ что, ребяташки,—сказалъ Феззивигъ.—Довольно работать. Насталъ Рождественскій вечеръ. Закрывайте-ка ставни, да, чуръ, живо!—вдругъ воскликнулъ онъ, громко ударивъ въ ладоши.

Вы бы не повѣрили, какъ дружно принялись они за работу. Разъ, два, три—и молодцы были уже со ставнями на улицѣ; четыре, пять, шесть—и они вдвинули ихъ на мѣсто; семь, восемь, девять—и они наложили задвижки и закрѣпили ихъ, и, прежде чѣмъ вы успѣли бы досчитать до двѣ-

надцати, они были уже опять въ комнатѣ, дыша какъ заморившіеся кони.

— Теперь, — воскликнулъ старый Феззивигъ, удивительно ловко прыгивая съ своего высокаго табурета, — убирайте здѣсь, ребятушки, убирайте, чтобы побольше было намъ мѣста. Живо, Дикъ! Веселѣй, Эбенизеръ!

Какое тутъ убирать! Чего бы они только ни убрали, когда за ними смотрѣлъ старый Феззивигъ. Въ минуту все было сдѣлано. Все, что можно было сдвинуть, было вытащено, будто оказалось навсегда излишнимъ; полъ выметенъ и вспырынутъ, лампы оправлены, въ каминъ подкинута угля, и торговое помѣщеніе превратилось въ приличную, теплую, сухую, ярко освѣщенную бальную залу.

Вотъ вошелъ скрипачъ съ нотами и, расположившись на высокой конторкѣ, началъ жалобно настраивать свою скрипку. Вотъ вошла мистриссъ Феззивигъ, изображая собою одну широкую улыбку. Вошли три красивыя и лучезарныя дѣвицы Феззивигъ. Вошли шестеро вздыхавшихъ по нимъ молодыхъ людей. Вошли всѣ молодые мужчины и женщины, бывшіе при дѣлѣ. Вошла горничная съ своимъ двоюроднымъ братомъ, пекаремъ. Вошла кухарка съ близкимъ другомъ своего брата, молочникомъ. Явился и мальчикъ изъ лавки, что по ту сторону улицы, о которомъ рассказывали, будто хозяинъ плохо кормитъ его; войдя въ комнату,

онъ старался спрятаться за дѣвочкой изъ сосѣдняго заведенія, относительно которой было удостоверено, что хозяйка таскала ее за уши. Всѣ явились одинъ за другимъ; одни робко, другіе смѣло, одни граціозно, другіе неуклюже, однихъ какъ будто кто толкалъ, другихъ точно тянули насильно. Но какъ бы то ни было, всѣ пришли, всѣ были налицо. Начались танцы. Сразу двадцать паръ пошли подъ звуки скрипки, двигаясь то гусемъ всѣ направо, то такъ же всѣ налѣво, то на середину, то опять назадъ, продѣлывая цѣлый рядъ мудреннѣйшихъ фигуръ. По окончаніи послѣдней старикъ Феззивигъ ударомъ въ ладоши подалъ знакъ остановиться, и скрипачъ не замедлилъ жадно погрузить свое разгоряченное лицо въ приготовленную для него кружку съ портеромъ. Но, вынырнувъ оттуда, онъ, вмѣсто отдыха, когда никто еще и не собирался танцевать, вдругъ запиликалъ снова, и съ такимъ жаромъ, какъ будто прежній скрипачъ, какъ выбившійся окончательно изъ силъ, былъ замертво отнесенъ домой на ставнѣ, а это былъ совсѣмъ свѣжій музыкантъ, рѣшившійся, во что бы то ни стало, или затмить своего предшественника или погибнуть.

Опять пошли танцы, за танцами—фанты, за фантами—снова танцы; затѣмъ подавался пирогъ, послѣ пирога глинтвейнъ, за ними огромныя части холоднаго мяса въ двухъ видахъ, пирожки съ корин-

кой и, наконецъ, обильное количество пива. Но самый эффектный моментъ вечера наступилъ послѣ этихъ угощеній, когда скрипачъ—лукавый былъ онъ мужчина и куда какъ тонко понималъ свое дѣло—

заигралъ „Сиръ Роджеръ ди Коверлей“. Тутъ выступили на сцену старый Феззивигъ и мистриссъ Феззивигъ, составивъ первую пару. Не легкое предстояло имъ дѣло въ виду цѣлыхъ двадцати, если

не больше, паръ участниковъ; съ этимъ народомъ шутить было нельзя: ужъ никакъ не ходитъ они собирались, а танцовать, и танцовать какъ слѣдуетъ.

Но, будь ихъ вдвое, куда—вчетверо больше, старикъ, а также и мистриссъ Феззивигъ, не ударили бы въ грязь лицомъ передъ ними. Что ея касается, это была дама достойная своего кавалера во всѣхъ отношеніяхъ; а это ли не похвала? Какъ двѣ луны мелькали икры Феззивига. Напрасно бы вы старались предугадать, что онѣ изображать собою въ слѣдующее же мгновеніе. Когда старикъ съ супругою продѣлали всѣ должныя фигуры, Феззивигъ закончилъ танецъ, такъ ловко выкинувъ послѣднее колѣно, какъ будто мигнулъ ногами въ воздухъ, и твердо, не качнувшись, опустился на полъ.

Когда пробило одиннадцать часовъ, этотъ домашній балъ кончился. Мистеръ и мистриссъ Феззивигъ заняли мѣста по обѣ стороны двери и, подавая руку каждому изъ расходившихся гостей, поздравляли ихъ съ праздникомъ, желая весело провести его. Когда очередь дошла до двухъ учениковъ, хозяева и ихъ привѣтствовали подобнымъ же образомъ. Такъ постепенно смолкли веселые голоса, и мальчики были отпущены спать. Постели ихъ помѣщались подъ прилавкомъ въ задней комнатѣ конторы.

Въ теченіе всего этого времени Скруджъ былъ какъ бы внѣ себя. Его сердце и душа переселились

въ его прежнес я и вмѣстѣ съ нимъ переживали все происходившее передъ его глазами. Онъ все чувствовалъ, все вспоминалъ, всему радовался и находился въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Только когда скрылись изъ вида довольныя лица его прежняго я и его товарища Дика, вспомнилъ онъ о духѣ и замѣтилъ, что тотъ пристально на него смотреть, и свѣтъ на его головѣ горитъ особенно ярко.

— Немногое нужно,—сказалъ духъ,—чтобы вызвать такое чувство благодарности у этихъ простоватыхъ людей.

— Немногое!—отозвался Скруджъ.

Духъ сдѣлалъ ему знакъ прислушаться къ разговору обоихъ учениковъ, изливавшихъ свою душу въ похвалахъ Феззивигу, и потомъ сказалъ:

— Не правда ли? Вѣдь куда какъ немного истратилъ онъ вашихъ презрѣнныхъ денегъ, всего какихъ-нибудь три-четыре фунта *). Неужели это такая большая сумма, чтобъ онъ заслуживалъ подобной похвалы?

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ Скруджъ, возбужденный этимъ замѣчаніемъ и говоря бессознательно языкомъ своего прежняго, а не настоящаго я.—Не въ этомъ дѣло, духъ. Въ его власти сдѣлать насъ счастливыми или несчастными, сдѣлать

*) Тридцать-сорокъ рублей на наши деньги.

нашу службу легкою или тяжелою, удовольствіемъ или трудной работой. Дѣйствительно, власть его заключается въ словахъ и взглядахъ, въ вещахъ столь легкихъ и незначительныхъ, что нѣтъ возможности собрать и сосчитать ихъ. Но что изъ этого? Сообщаемое имъ счастье стѣбитъ цѣлаго состоянія.

Онъ почувствовалъ на себѣ взглядъ духа и оставился.

— Что съ тобой?—спросилъ духъ.

— Ничего особеннаго,—сказалъ Скруджъ.

— Однако?—настаивалъ духъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Скруджъ,—нѣтъ. Мнѣ только хотѣлось бы имѣть возможность сказать сейчасъ два слова своему конторщику. Вотъ и все.

При этихъ словахъ Скруджа его прежній я погасилъ лампы, и Скруджъ очутился съ духомъ снова на открытомъ воздухѣ.

— Мой срокъ истекаетъ,—замѣтилъ духъ.— Скорѣй!

Эти слова не были обращены ни къ Скруджу, ни къ кому-либо другому, кого бы онъ могъ видѣть, но они произвели непосредственное дѣйствіе. Скруджъ снова увидалъ себя. Теперь онъ былъ старше, человѣкомъ въ лучшей порѣ жизни. Лицо его еще не носило рѣзкихъ и грубыхъ чертъ позднѣйшихъ лѣтъ, но обнаруживало уже признаки заботъ и скупости. Въ безпокойномъ движеніи глазъ

сказывались инстинкты алчности и наживы; видно было, что эти страсти уже пустили корни въ немъ и вскорѣ обѣщали бросить на его взоръ тѣнь быстро растущаго отъ нихъ дерева.

Онъ былъ не одинъ, а сидѣлъ рядомъ съ красивой дѣвушкой, одѣтой въ трауръ. Въ глазахъ ея виднѣлись слезы, а въ нихъ искрился свѣтъ, сіявшій съ головы духа прошедшаго Рождества.

— Это не важно,—сказала она тихо.—Для тебя это бездѣлица. Другой кумиръ замѣстилъ меня; и если онъ можетъ послужить тебѣ въ будущемъ радостью и утѣшеніемъ, которыя я старалась бы доставить тебѣ, то у меня нѣтъ повода печалиться.

— Какой кумиръ замѣнилъ тебя?—возразилъ онъ.

— Золотой кумиръ.

— Вотъ вамъ людское безпристрастіе!—сказалъ онъ.—Ни къ чему міръ такъ строго не относится, какъ къ бѣдности, и въ то же время ничто такъ сурово не осуждаетъ, какъ стремленіе къ богатству!

— Ты слишкомъ боишься свѣта,—кратко отвѣтила она.—Всѣ твои надежды поглощены одною—избѣгнуть повода къ его горькимъ упрекамъ. Я была свидѣтельницею того, какъ твои болѣе благородныя стремленія пропадали одно за другимъ, уступая свое мѣсто одной господствующей страсти—наживы. Не такъ ли?

— Что же изъ этого?—возразилъ онъ.—Что изъ

того, что я настолько поумнѣлъ? Къ тебѣ я не перемѣнился.

Она покачала головою.

— Развѣ не такъ?

— Мы помолвлены давно. Въ то время мы оба были бѣдны и не скучали этимъ, въ надеждѣ, при лучшихъ обстоятельствахъ, устроить наше внѣшнее счастье терпѣливымъ трудомъ. Ты не тотъ теперь. Тогда ты былъ другимъ человѣкомъ.

— Я былъ мальчикомъ,—сказалъ онъ нетерпѣливо.

— Твое собственное сердце говоритъ тебѣ, что ты не тотъ, что былъ,—возразила она.—Я не перемѣнилась. То, что обѣщало намъ счастье, когда у насъ было одно сердце, превратилось въ бѣду, когда наши стремленія разошлись въ разныя стороны. Мнѣ нечего говорить, какъ часто и какъ мучительно я объ этомъ думала. Довольно того, что мною теперь все обдумано, и я могу освободить тебя.

— Развѣ я когда-нибудь искалъ разлуки?

— На словахъ—нѣтъ, никогда.

— Такъ въ чемъ же ты это видишь?

— Въ перемѣнѣ твоихъ наклонностей, твоего характера, въ иномъ взглядѣ на жизнь и преслѣдованіи въ ней иной окончательной цѣли—во всемъ, что придавало моей любви какое-нибудь значеніе или цѣну въ твоихъ глазахъ. Если бы ничего

этого между нами не было,—продолжала она, глядя на него кротко, но рѣшительно:—скажи мнѣ, оставилъ ли бы ты теперь на мнѣ свой выборъ и старался ли бы приобрести мое расположеніе? Навѣрное, нѣтъ.

Онъ, повидимому, невольно соглашался съ справедливостью этого предположенія, но, подавивъ въ себѣ голосъ совѣсти, отвѣтилъ:

— Ты этого не думаешь.

— Я бы рада была думать иначе, если бы могла,—возразила она.—Богу извѣстно, что, убѣдившись въ подобной истинѣ, я не могла не видѣть, насколько она неотразима. Но, будь ты свободенъ сегодня, завтра, могу ли я повѣрить, чтобы ты избралъ дѣвушку-безприданницу—ты, который даже въ интимной бесѣдѣ съ нею взвѣшиваешь все со стороны выгоды; даже допустивъ, что ты измѣнилъ на минуту своему руководящему правилу и женился бы на такой дѣвушкѣ, развѣ не знаю я, что ты непременно бы въ этомъ раскаялся и сожалѣлъ бы о своемъ поступкѣ? Слишкомъ хорошо я это знаю и потому освобождаю тебя отъ даннаго тобою слова. Я дѣлаю это отъ полнаго сердца, ради любви къ тому, какимъ ты былъ когда-то.

Онъ было хотѣлъ заговорить, но она, отвернувшись отъ него, продолжала:

— Можетъ быть—въ чемъ воспоминаніе прошлаго нѣсколько обнадеживаетъ меня—можетъ быть,

ты и поскорбишь объ этомъ, но очень, очень не долго, и освободишься отъ этихъ воспоминаній съ радостью, какъ отъ бесполезной мечты или сновидѣнія, отъ котораго пріятно бываетъ проснуться. Итакъ будь счастливъ въ своей новой жизни!

Она вышла, и они разстались.

— Духъ! — воскликнулъ Скруджъ, — будетъ съ меня! Сведи меня домой. Что тебѣ за удовольствіе терзать меня?

— Еще одно видѣніе, — отвѣтилъ духъ.

— Не надо! Не хочу больше ничего видѣть! — умолялъ Скруджъ.

Но безжалостный духъ схватилъ его обѣими руками и принудилъ наблюдать, что будетъ дальше.

Они очутились въ другомъ мѣстѣ и передъ новою сценой. Это была не особенно большая или богатая комната, но комфортабельно и уютно обставленная. Недалеко отъ камина сидѣла красивая молодая дѣвушка, такъ похожая на только что видѣнную, что Скруджъ принялъ ее за одну и ту же, пока не узналъ видѣнную раньше въ лицѣ другой красивой женщины, теперь уже матери семейства, сидѣвшей противъ своей дочери. Шумъ въ комнатѣ стоялъ невообразимый. Тамъ было столько дѣтей, что Скруджъ не могъ, при своемъ волненіи, сосчитать ихъ. Въ полномъ противорѣчii со стадомъ, о которомъ говорится въ одной поэмѣ, здѣсь не то, что сорокъ дѣтей можно было счесть

за одного, а, напротивъ, каждый въ отдѣльности производилъ больше шума, чѣмъ всѣ сорокъ чело- вѣкъ вмѣстѣ. Можете себѣ представить, что это была за суматоха. Никто, однако, ею не тяготился, напротивъ, мать и дочь весело смѣялись, съ удо- вольствіемъ глядя на дѣтей. Скоро дѣвушка даже сама приняла участіе въ ихъ играхъ, и порядкомъ же ей досталось.

Но вотъ послышался стукъ въ дверь, и вся шумная ватага опрометью бросилась къ ней, увлекая съ собою растрепанную, съ измятымъ платьемъ, старшую сестру, и очутилась у входа какъ разъ въ то мгновеніе, когда въ дверяхъ по- казался отецъ въ сопровожденіи челоуѣка, нагружен- наго рождественскими подарками. Радостнымъ воз- гласамъ и конца не было. Плохо пришлось бѣдному носильщику, когда нетерпѣливыя дѣти начали подставлятъ къ нему стулья, вмѣсто лѣ- стницы, карабкаться на него самого, заглядывать къ нему въ карманы, тащить его за воротникъ, до- бывая завернутыя въ желтую бумагу сокровища. И какимъ взрывомъ восторга сопровождалось вскры- тіе каждаго пакета! Вдругъ страшная вѣсть, что грудной ребенокъ засунулъ себѣ въ ротъ куколь- ную сковороду, при чемъ, по всей вѣроятности, уже успѣлъ проглотить игрушечную индѣйку, изжа- ренную на деревянномъ противнѣ! А потомъ всеоб-

щее облегченіе, когда тревога оказалась напрасной. Со всѣхъ сторонъ крики радости, благодарности, восторга! Трудно поддается описанію подобная сцена. Хорошо, что дѣтей одного за другимъ увели спать наверхъ, гдѣ взволнованные голоса ихъ постепенно смолкли.

Скруджъ сталъ внимательнѣе прежняго наблюдать, когда хозяинъ дома, нѣжно обнявъ свою дочь, сѣлъ съ нею и съ ея матерью на свое обычное мѣсто у камина. Глаза Скруджа подернулись слезами при мысли, что подобное существо, такое же милое и столь много обѣщающее, могло бы называть его отцомъ и быть весеннею отрадой въ суровую зимнюю пору его жизни.

— Бэлла!—сказалъ мужъ, обращаясь съ улыбкой къ женѣ, — я видѣлъ сегодня одного твоего стараго друга.

— Кого же это?

— Угадай.

— Какъ могу я угадать? А впрочемъ, постой,—поспѣшила она прибавить, смѣясь какъ и онъ.— Мистера Скруджа?

— Вѣрно. Я проходилъ мимо оконъ его конторы, и такъ какъ они не были закрыты, и внутри горѣла свѣча, то я не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на него. Говорять, компаньонъ его при смерти, и вотъ онъ сидитъ теперь одинъ. Вѣдь у него никого нѣтъ, я думаю.

— Духъ!—взмолился опять Скруджъ надломленнымъ голосомъ,—уведи меня отсюда.

— Я сказала тебѣ, что это тѣни былыхъ вещей,—сказала духъ:— не моя вина, что онѣ таковы.

— Уведи меня!— настаивала Скруджъ. — Мнѣ этого не вынести.

Обернувшись въ сторону духа и видя, что тотъ смотритъ на него лицомъ, въ которомъ необъяснимымъ образомъ отражались отдѣльныя черты всѣхъ показанныхъ ему духомъ лицъ, Скруджъ старался высвободиться изъ его крѣпкихъ рукъ.

— Отпусти меня! Сведи меня назадъ и покинь меня!

Въ этой борьбѣ—если это только можетъ назваться борьбою, гдѣ духъ безъ всякаго видимаго напряженія съ своей стороны не поддавался никакимъ усиліямъ своего противника—Скруджъ замѣтилъ, что свѣтъ его горитъ широко и ярко; смутно объясняя себѣ, что именно въ этомъ свѣтѣ заключается сдерживающая его сила духа, онъ схватилъ шапку-гасильникъ и быстрымъ движеніемъ накрылъ ею голову призрака.

Духъ съежился подъ нею, такъ что гасильникъ покрылъ его всего; но хотя Скруджъ давилъ на него изо всей силы, онъ не могъ совершенно загасить свѣтъ, который стремился изъ-подъ гасильника и цѣлымъ потокомъ разливался по полу.

Онъ чувствовалъ, что силы оставляють его, и одолѣваетъ непреоборимая дремота, что, кромѣ того, онъ находится въ своей спальнѣ. Онъ еще разъ надавилъ шапку, и рука его опустилась въ изнеможеніи, такъ что едва успѣлъ онъ добратъся до постели, какъ въ то же мгновеніе крѣпко заснулъ.

III.

ВТОРОЙ ИЗЪ ТРЕХЪ ДУХОВЪ.

роснувшись среди сильнѣйшаго храпа и сѣвъ въ постели, чтобы собраться съ мыслями, Скруджъ не имѣлъ случая узнать, что колоколь готовъ опять пробить часъ. Онъ, однако, чувствовалъ, что пришелъ въ сознаніе какъ разъ къ тому времени, когда ему нужно было принять второго изъ числа трехъ посѣтителей, обѣщанныхъ Яковомъ Марлеемъ. Но, ощутивъ непріятный холодъ при мысли о томъ, которую изъ занавѣсокъ постели раздвинетъ этотъ второй посѣтитель, онъ собственноручно отодвинулъ ихъ со всѣхъ сторонъ и, улегшись снова, сталъ зорко наблюдать вокругъ постели. Онъ хотѣлъ окликнуть духа въ самый моментъ его появленія, совѣмъ не желая быть застигнутымъ врасплохъ и испытать нервное потрясеніе.

Есть люди, которые ни надъ чѣмъ не задумываются; они любятъ похвастаться, что ихъ ничѣмъ не удивишь и не испугаешь, начиная съ игры въ орлянку до убійства человѣка. Нѣтъ сомнѣнйя, что между такими крайностями существуетъ безчисленное множество переходовъ. Я не берусь причислить Скруджа вполне къ такого сорта людямъ и увѣрять васъ, что онъ приготовился къ очень многимъ разновидностямъ чудесныхъ явленйя, что ничто не могло особенно поразить его, начиная съ младенца и кончая носорогомъ. Приготовившись почти ко всему, онъ никоимъ образомъ не думалъ, что не произойдетъ ничего особеннаго; потому, когда колоколь пробилъ часъ, а никакого видѣнйя не появлялось, его начала пробирать сильная дрожь. Прошло пять минутъ, прошло десять минутъ, прошло четверть часа, а все никого не было. Въ теченіе всего этого времени онъ лежалъ въ постели какъ разъ въ самомъ центрѣ полосы красноватаго свѣта, упавшаго на него въ ту же минуту, какъ пробило часъ. Этотъ свѣтъ тревожилъ его гораздо больше, чѣмъ цѣлая дюжина духовъ, такъ какъ онъ никакъ не могъ понять, что бы это значило и откуда происходитъ. Ему даже приходило на мысль, не представляетъ ли онъ самъ въ эту минуту интереснаго случая внезапнаго самовозгаранія. На послѣдокъ, однако, онъ началъ догадываться, что, по всей вѣроятности, источникъ этого свѣта находился въ сосѣдней ком-

натѣ, откуда, если прослѣдить за нимъ, онъ, казалось, и выходилъ. Когда эта мысль вполнѣ овладѣла его умомъ, онъ потихоньку всталъ и, шмыгая туфлями, подошелъ къ двери.

Въ ту минуту, когда рука Скруджа схватилась за ручку двери, странный голосъ назвалъ его по имени, приглашая войти. Онъ повиновался.

Это несомнѣнно была его собственная комната, только подвергшаяся удивительной перемѣнѣ. Стѣны и потолокъ были такъ густо завѣшаны свѣжею зеленью, что представляли собою настоящую аллею, испещренную повсюду ярко блестящими ягодами. Кудрявые листья остролистника, омелы и плюща отражали свѣтъ, подобно множеству маленькихъ зеркалецъ; въ каминѣ былъ разведенъ такой огонь, какого это каменное олицетвореніе домашняго очага никогда не видало ни въ Скруджево, ни въ Марлеево время. На полу, образуя нѣчто въ родѣ трона, были нагромождены индѣйки, гуси, всякаго рода дичь и живность, окорока, большія части мяса, связки зелени, пироги съ коринкой, плумъ-пудинги, боченки съ устрицами, горячіе каштаны, румяныя яблоки, сочныя апельсины, сладкія груши, громадныя паштеты и кипящія чаши съ пуншемъ, который своимъ благовоннымъ паромъ, какъ туманомъ, наполнялъ всю комнату. Наверху всей этой груды сидѣлъ въ свободной позѣ веселый гигантъ, на котораго любо было посмотреть;

въ его рукѣ былъ яркій факель, своею формою напоминавшій рогъ изобилія; геній держалъ его высоко надъ головою, освѣщая Скруджу дорогу.

— Взойди!—воскликнулъ духъ.—Взойди и узнай меня поближе, человѣкъ!

Скруджъ вошелъ робко и поникнулъ головою предъ духомъ. Это не былъ прежній упрямый Скруджъ, такъ что, хотя глаза гиганта свѣтились ласкою и добротою, онъ не могъ смотрѣть въ нихъ.

— Я духъ настоящаго праздника Рождества Христова,—сказалъ гигантъ.—Посмотри на меня!

Скруджъ почтительно послѣдовалъ этому приглашенію. Гигантъ былъ одѣтъ въ простой темно-зеленый плащъ, или мантию, опушенную мѣхомъ. Эта одежда такъ свободно держалась на его фигурѣ, что открывала его могучую грудь, какъ бы не выносившую искусственной покрывки. Ноги его, виднѣвшіяся изъ-подъ широкихъ складокъ мантии, были также голы, а на головѣ простой вѣнокъ изъ остролистника, украшенный кое-гдѣ ледяными сосульками. Темнокаштановые волосы ниспадали на плечи длинными, вольными прядями; взоръ его былъ блестящъ, лицо открыто, движенія свободны. На поясѣ висѣли старыя, покрытыя ржавчиной, ножны, въ которыхъ меча, однако, не было.

— Ты никогда еще не видалъ подобныхъ мнѣ!—воскликнулъ духъ.

— Никогда,—отвѣтилъ Скруджъ.

→ Никогда не ходилъ съ младшими членами моей семьи: я вѣдь очень молодъ, потому разумѣю моихъ старшихъ братьевъ, родившихся въ послѣдніе годы,—продолжалъ призракъ.

— Кажется, нѣтъ,—сказалъ Скруджъ.— Боюсь, что этого со мною не случилось. А много было у тебя братьевъ, духъ?

— Больше тысячи восьмисотъ,—отвѣчалъ гигантъ.

— О, какъ дорого стоитъ содержать такую огромную семью!—молвилъ Скруджъ.

При этихъ словахъ призракъ поднялся съ своего мѣста.

— Духъ!— произнесъ покорно Скруджъ, — веди меня, куда хочешь. Вчера ночью я странствовалъ поневолѣ и вынесъ изъ этого путешествія урокъ, котораго больше не забуду. Если и ты имѣешь научить меня чему-нибудь, дай мнѣ воспользоваться и твоимъ урокомъ.

— Коснись моей одежды!

Скруджъ крѣпко за нее ухватился.

Вдругъ остролистникъ, красныя ягоды, плющъ, индѣйки, гуси, куры, свинина, ветчина, зелень, устрицы, пудинги, фрукты и пуншъ,—все мгновенно исчезло. Исчезла и комната съ каминомъ, и красноватый свѣтъ, и самый часъ ночи, и наши путники очутились на улицахъ города въ рождествен-

ское утро. Со всѣхъ сторонъ слышалась своеобразная музыка скребковъ и заступовъ, которыми люди счищали снѣгъ и ледъ съ тротуаровъ противъ своихъ жилищъ и съ крышъ домовъ (холодъ стоялъ изрядный).

Дѣтямъ любо было смотрѣть, какъ глыбы снѣга, падая сверху, разлетались въ воздухѣ на множество блестящихъ снѣжинокъ. Стѣны домовъ и особенно впадины оконъ казались просто черными отъ яркой бѣлизны снѣжнаго покрова, лежавшаго на крышахъ. Зато снѣгъ, покрывавшій землю, успѣлъ уже приобрести желтоватый оттѣнокъ; множество двигавшихся во всѣхъ направленіяхъ экипажей и фуръ избороздило его мѣстами оттаявшую поверхность глубокими колеями, казавшимися непрослѣдимую цѣпью безчисленныхъ миниатюрныхъ каналовъ. Небо было пасмурно, и взоръ не проникалъ до конца даже самыхъ короткихъ улицъ, завѣшенныхъ полузамерзшимъ, полуюттаявшимъ туманомъ; болѣе тяжелыя части этого тумана спускались въ видѣ дождя изъ закопченныхъ воздушныхъ атомовъ.

Можно было подумать, что всѣ трубы Великобританіи сговорились между собою и сразу задымили во всю свою мочь и волю. Несмотря, однако, на такую невеселую погоду, все кругомъ было въ какомъ-то радостномъ настроеніи, какъ не бываетъ и въ самый яркій солнечный день. Весело

шла работа людей, сбрасывавшихъ снѣгъ съ крышъ домовъ; какъ-то особенно были одушевлены ихъ лица; шутливо перекликались они изъ-за парапетовъ, обмѣниваясь повременамъ снѣжкой — метальнымъ снарядомъ, болѣе невиннымъ, чѣмъ многія словесныя шутки—и отъ души смѣясь, когда комъ попадалъ въ цѣль, и еще болѣе радуясь, когда онъ пролеталъ мимо. Лавки торговцевъ живностью были открыты лишь наполовину, за то настежъ стояли двери у фруктовщиковъ. Большія пузатыя корзины съ каштанами выставлялись изъ нихъ подобно широкимъ жилетамъ пожилыхъ гулякъ, прислонившихся къ дверямъ и выставившихъ на показъ свою грозящую ударомъ тучность. Румяныя, темнолицыя испанскія луковицы, своимъ дородствомъ напоминавшія испанскихъ монаховъ, лукаво поглядывали съ полокъ на проходящихъ красавицъ и съ приторною скромностью вскидывали въ то же время глаза на подвѣшенный къ потолку остролистникъ. Тутъ же красовались цвѣтуція пирамиды изъ грушъ и яблокъ, а на самомъ виду спускались съ потолка кисти винограда; благодушный хозяинъ нарочно подвѣсилъ ихъ на такомъ мѣстѣ — пускай, молъ, у прохожихъ слюнки текутъ на здоровье. Груды крупныхъ лѣсныхъ орѣховъ, пушистыхъ, загорѣлыхъ, напоминали своимъ особымъ ароматомъ осеннія прогулки въ лѣсу, когда нога пріятно погружалась въ мягкій слой засохшей листвы; норфольскія

печенныя яблоки оттѣняли темнотою своей сморщенной кожи яркую желтизну своихъ сосѣдей, апельсиновъ и лимоновъ; аштитно-сочные, такъ и просились они на послѣобѣденный десертъ. Даже золотыя и серебряныя рыбки въ вазахъ, разставленныхъ между этими отборными плодами, и тѣ, несмотря на свою холодную кровь, казалось, знали, что происходитъ нѣчто особенное; всѣ онѣ съ любопытствомъ сновали по своему водному мірку и какъ-то необыкновенно, хотя и безстрастно, волновались. Еще праздничнѣе смотрѣли колоніальные магазины, если заглянуть чрезъ ихъ полузакрытыя окна. Весело звенѣли здѣсь безпрестанно опускавшіяся на прилавокъ чашки вѣсовъ; порывисто шумя, развертывалась со своей катушки бичева; ловко, точно рукою фокусника, пододвигались къ ней все новыя и новыя плетенки, не поспѣвавшія вмѣщать безчисленныя покупки. Смѣсь ароматовъ чая и кофе пріятно раздражала обоняніе. Разбѣгались глаза при видѣ рѣдкой величины изюма, небывалой бѣлизны миндалинъ, отборныхъ палочекъ корицы и разныхъ пряностей. Лакомо приготовленные цукаты были такъ обильно пропитаны сахаромъ, что могли довести до обморока самаго хладнокровнаго зрителя, если онъ устоялъ противъ соблазна отвѣдать тутъ же разложенныхъ мясистыхъ и сочныхъ винныхъ ягодъ и скромно глядѣвшаго изъ своихъ украшенныхъ ящиковъ французскаго чернослива.

Нужно было видѣть нетерпѣливую, въ ожиданіи праздника, суетливость покупателей: какъ угорѣлые, торопились они исполнить свои покупки, сталкивались другъ съ другомъ въ дверяхъ, зацѣпляясь корзинами; выбѣжавъ изъ лавки, многіе снова возвращались въ нее взять забытыя второпяхъ покупки, дѣлали много другихъ подобныхъ ошибокъ, ни на минуту не теряя, однако, своего праздничнаго настроенія. Самъ торговецъ и его приказчики смотрѣли такими свѣжими и бодрыми молодцами, что ярко вычищенныя мѣдныя сердечки, которыми застегивались сзади ихъ фартуки, можно было принять за ихъ собственныя сердца, выставленныя на показъ всѣмъ и каждому.

Но вотъ съ колоколенъ раздался благовѣстъ, призывавшій добрыхъ людей въ церкви, и на улицахъ появились толпы богомольцевъ въ своихъ лучшихъ нарядахъ и съ самыми радостными лицами. Въ то же время изъ всѣхъ переулковъ, безымянныхъ тупиковъ и закоулковъ потянулся безчисленный людъ, несшій къ пекарямъ свои обѣды. Видно было, что духъ интересовался этими любителями попить, такъ какъ, помѣстившись съ Скруджемъ въ дверяхъ одной пекарни, онъ приподнималъ крышку съ ихъ ноши и кропилъ на ихъ обѣды изъ своего факела. Это былъ какой-то необыкновенный факель. Когда разъ, другой случилось, что носильщики обѣдовъ обмѣнивались нѣ-

сколькими сердитыми словами, онъ проливалъ на нихъ нѣсколько капель изъ своего факела, и мгновенно возвращалось къ людямъ ихъ доброе расположеніе духа. „Стыдно ссориться въ такой праздникъ“,—тутъ же говорили они.

Вотъ замолкли колокола, и пекарни закрылись; но какъ будто все еще носился призракъ этихъ обѣдовъ, и продолженіе ихъ страпни виднѣлось на оттаявшемъ пятнѣ сырости надъ каждою печью пекарни; даже мостовыя передъ ними дымились, какъ будто кипѣли самые камни.

— Нѣтъ ли какой-нибудь особой силы въ той влагѣ, которою ты кропишь изъ своего факела?—спросилъ Скруджъ.

— Какъ же. Это моя собственная сила.

— И на всякій сегодняшній обѣдъ оказываетъ она свое дѣйствіе?—спросилъ Скруджъ.

— На всякій, если онъ предлагается отъ добраго сердца, а въ особенности на обѣдъ бѣдняка.

— Почему же въ особенности на обѣдъ бѣдняка?

— Потому что онъ больше въ ней нуждается.

Они, попрежнему оставаясь невидимыми, направились далѣе въ предмѣстье города. Чудесный спутникъ Скруджа отличался удивительною способностью (которую Скруджъ замѣтилъ еще, когда они были съ нимъ у пекарей) приспособляться, не смотря на свой гигантскій ростъ, ко всякому мѣ-

сту: подъ низкой крышей онъ помѣщался такъ же непринужденно и свободно, какъ и въ высокой залѣ.

Можетъ быть, онъ повиновался побужденію своей доброй, великодушной природы и своему расположенію ко всеѣмъ бѣднымъ людямъ, направившись прямо къ конторщику Скруджа. Онъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ туда, а съ нимъ и Скруджъ, держась за его платье. Передъ входомъ духъ, улыбаясь, остановился, чтобы окропить изъ своего факела жилище Боба Крэтчита. Подумайте только! Бобъ получалъ всего пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю, а духъ настоящаго Рождества благословлялъ его скромное помѣщеніе!

Вотъ поднялась съ своего мѣста мистриссъ Крэтчитъ, жена Крэтчита, одѣтая бѣдно въ дважды вывороченное платье, зато въ уборѣ изъ лентъ; не дорого онѣ стоятъ и для шести пенсовъ очень приличны. При помощи Белинды Крэтчитъ, своей второй дочери, тоже въ ленточномъ уборѣ, она стала накрывать на столъ, тогда какъ молодой Петръ Крэтчитъ, запустивъ вилку въ кастрюлю, наблюдалъ, какъ варился картофель; чувствуя, что концы необъятныхъ воротничковъ его манишки (личная собственность отца, уступленная сыну и наслѣднику въ честь великаго праздника) попадали ему въ ротъ, онъ гордился своимъ изысканнымъ нарядомъ и предвкушалъ удовольствіе показать

свое бѣлье въ фэшенебельномъ паркѣ. Вотъ двое младшихъ Крэтчитовъ, мальчикъ и дѣвочка, ворвались въ комнату, крича, что у пекаря пронюхали гуся и признали его за своего; увлекшись заманчивой мечтой о соусѣ изъ шалфея съ лукомъ, дѣти принялись плясать вокругъ стола, превознося до небесъ своего старшаго брата, который (безъ гордости, хотя воротнички буквально душили его) раздувалъ огонь, пока, наконецъ, лѣнивыя картофелины не застучали громко въ крышку кастрюли, прося выпустить ихъ наружу и облупить.

— Однако, куда же это пропалъ твой отецъ, — сказала мистриссъ Крэтчитъ, — и братъ твой Тимоша? да и Марта въ прошлое Рождество пришла получасомъ раньше!

— А вотъ вамъ, матушка, и Марта! — слышался голосъ дѣвушки, показавшейся въ эту минуту въ дверяхъ.

— Мама, вотъ Марта! — закричали оба маленькіе Крэтчиты. — Ура! какой у насъ гусь, Марта!

— Что это, милая моя, какъ ты поздно! — сказала мистриссъ Крэтчитъ, осыпая свою дочь поцѣлуями и въ то же время спѣша снимать съ нея шаль и шляпку.

— Нужно было много работы окончить, — отвѣчала дѣвушка, — а нынче утромъ пришлось убираться.

— Ну, ничего, хотя поздно, да пришла! — сказала мать. — Садись-ка къ огню, моя милая, да погрѣйся!

— Нѣтъ, нѣтъ! Вонъ папа идетъ! — закричали маленькіе, всюду поспѣвавшіе Крѣтчиты. — Спрячься, Марта, спрячься!

Марта спряталась, и въ комнату вошелъ отецъ Бобъ, съ шеи котораго, по крайней мѣрѣ, на три фута свѣшивался развязавшійся и болтавшійся передъ нимъ шарфъ; его поношенное платье было тщательно заштопано и вычищено по такому торжественному случаю; на плечахъ онъ держалъ сына Тимошу. Увы, бѣдняжка былъ калѣка и носилъ костыль!

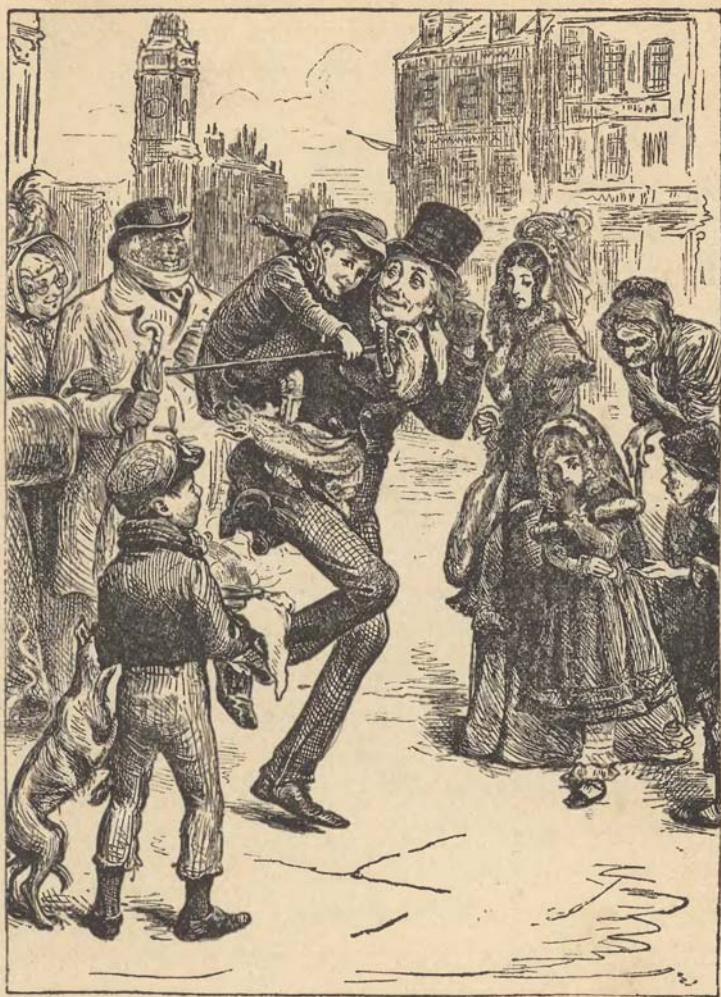
— А гдѣ же Марта? — спросилъ Бобъ Крѣтчить, озираясь по сторонамъ.

— Не пришла, — отвѣтила мать.

— Не пришла? — переспросилъ Бобъ, и голосъ его сразу упалъ; а онъ еще во весь духъ бѣжалъ домой, изображая лошадь для Тимоши, и вдругъ „не пришла“ въ такой праздникъ.

Марта, не желая дольше разстраивать отца, хотя бы и въ шутку, вышла изъ-за дверцы шкафа и бросилась въ его объятія; двое же маленькихъ Крѣтчитовъ подхватили Тимошу и унесли его въ прачечную послушать, какъ тамъ въ котлѣ кипитъ пудингъ.

— Ну, какъ вель себя Тимоша? — спросила ми-

...а онъ еще во весь духъ бѣжалъ домой, изображая лошадь для Тимоши.

Стр. 82.

стриссъ Крѣтчить, посмѣявшись надъ довѣрчивостью Боба, когда тотъ вдоволь нацѣловался съ дочерью.

— Какъ золото, да еще лучше, — отвѣчалъ отецъ. — Сидя одинъ, онъ, должно быть, все размышляетъ про себя и подчасъ додумывается до удивительнѣйшихъ вещей. Когда мы шли домой, онъ сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, люди видѣли его въ церкви, такъ какъ онъ былъ калѣка, и имъ, должно быть, пріятно было въ праздникъ Рождества Христова вспомнить о Томъ, Кто исцѣлялъ хромыхъ и давалъ зрѣніе слѣпымъ.

Голосъ Боба задрожалъ при этихъ словахъ и задрожалъ еще болѣе, когда онъ сказалъ, что Тимоша сталъ крѣпче и бодрѣе.

Въ это время послышался слабый стукъ костыли по полу, и Тимоша вернулся въ сопровожденіи сестры и брата, которые усадили его на его обычный стулъ рядомъ съ каминомъ. Пока Бобъ, засучивъ манжеты—бѣдняга полагалъ, что онѣ могутъ еще болѣе загрязниться—составлялъ въ кружкѣ смѣсь изъ лимоновъ и джина и, старательно растеревъ, поставилъ ее погрѣть на полку камина, молодой Крѣтчить вмѣстѣ съ двумя вездѣсущими маленькими Крѣтчитами отправился добывать гуся, съ которымъ они скоро и вернулись въ торжественной процессіи.

Тутъ произошелъ такой шумъ, что можно было

подумать, будто гусь самая рѣдкостная птица въ мірѣ, нѣкій феноменъ въ перьяхъ, передъ которымъ черный лебедь очень обыкновенная птица. Да въ этомъ домѣ почти такъ и было на самомъ дѣлѣ. Мистриссъ Крэтчитъ спѣшила разогрѣть раньше приготовленную подливку; Петръ съ невѣроятною силою разминалъ картофель; миссъ Белинда подслащивала яблочный соусъ; Марта вытирала горячія тарелки. Отецъ посадилъ Тимошу рядомъ съ собою въ уголкѣ у стола; двое младшихъ Крэтчитовъ поставили для всѣхъ стулья, не забывая и себя, и, помѣстившись дозорными на своихъ постахъ, засунули въ ротъ свои ложки изъ боязни вскрикнуть отъ нетерпѣнія прежде, чѣмъ дойдетъ до нихъ очередь. Наконецъ, блюда были поданы и прочитана молитва. Наступила мертвая тишина, когда мистриссъ Крэтчитъ, лукаво поглядѣвъ на лезвіе ножа, приготовилась погрузить его въ грудь гуся; но лишь только она надрѣзала птицу, и изъ нея хлынула начинка, какъ по всему столу пронесся шопоть восторга, и даже маленькій Тимоша, увлеченный своими братишкой и сестрицей, ударилъ по столу ручкой своего ножа и слабымъ голосомъ прокричалъ ура.

Никогда еще не бывало подобнаго гуся. Бобъ даже выразилъ сомнѣнье, чтобы когда-нибудь подался такой гусь. Его нѣжность и сочность, его размѣры и дешевизна были предметомъ всеобщаго

удивленія. Съ прибавкою яблочнаго соуса и мятаго картофеля его вполнѣ хватило на обѣдъ всему семейству, такъ что мистриссъ Крэтчитъ, увидавъ на одной изъ тарелокъ крошечную косточку, замѣтила, что и того-то не могли доѣсть. Всѣ были сыты, въ особенности младшіе Крэтчиты, вымазавшіеся начинкой до самыхъ бровей. Затѣмъ, когда миссъ Белинда перемѣнила тарелки, мистриссъ Крэтчитъ вышла изъ комнаты, чтобы выпрокинуть пудингъ и принести его; она пошла одна: при ея нервномъ возбужденіи свидѣтели были бы для нея невыносимы.

А ну какъ онъ не дошелъ какъ слѣдуетъ! Что если онъ развалится, когда его стануть опрокидывать! Ну, а ежели случился такой грѣхъ, что кто-нибудь перелѣзъ черезъ стѣну съ задняго двора да укралъ его, пока они тутъ пировали надъ гусемъ. При одной мысли объ этомъ кровь застывала у молодыхъ Крэтчитовъ. Какихъ только ужасовъ они себѣ не воображали.

А-га! Вотъ поднялся паръ столбомъ, значить пудингъ вынутъ изъ кастрюли. Пошелъ запахъ точно отъ паренаго бѣлья! Это отъ салфетки. Наконецъ, запахло какъ въ трактирѣ! Это уже самъ пудингъ. Черезъ полминуты показалась и мистриссъ Крэтчитъ: раскраснѣвшаяся, но съ горделивой улыбкой и — съ пудингомъ, какъ пестрая бомба, твердымъ и крѣпкимъ, усѣяннымъ блѣдными

огоньками горящаго спирта, и съ вѣткой остролистника, воткнутой въ верхушку въ видѣ рожденственной эмблемы.

О, какъ превосходенъ былъ пудингъ! Бобъ Крэтчитъ потихоньку высказалъ, что, на его взглядъ, это былъ самый крупный успѣхъ, достигнутый мистриссъ Крэтчитъ со времени ихъ свадьбы. Мистриссъ Крэтчитъ призналась, что теперь у нея гора съ плечъ свалилась, а то она очень побаивалась, достаточно ли было муки. Каждый что-нибудь высказывалъ по этому поводу, но никто не сказалъ и не подумалъ, что пудингъ былъ малъ для большой семьи. Это было бы грубой ересью. Любой изъ членовъ семьи покраснѣлъ бы даже отъ намека въ этомъ смыслѣ.

Наконецъ, обѣдъ кончился; скатерть убрали со стола, подмели очагъ и оправили огонь. Когда смѣсь въ кружкѣ была испробована и найдена превосходною, на столъ были поданы яблоки и апельсины, а на огонь брошенъ полный совокъ каштановъ. Тогда вся семья размѣстилась кружкомъ передъ каминомъ; рядомъ съ отцомъ поставили стеклянный семейный сервизъ: два большихъ стакана и объемистую чашку безъ ручки.

Въ этой посудѣ перелитый изъ кружки горячій напитокъ помѣщался такъ же удобно, какъ бы и въ золотыхъ бокалахъ; Бобъ съ довольнымъ ви-

домъ разливалъ его, пока каштаны съ трескомъ поджаривались на огнѣ.

Затѣмъ Бобъ поднялъ стаканъ и произнесъ:

— Поздравляю васъ всѣхъ, мои милые, съ радостнымъ праздникомъ Рождества Христова. Да хранитъ насъ Богъ!

Вся семья дружно отвѣтила на это привѣтствіе.

— Да благословитъ Богъ cadaго изъ насъ!— крикнулъ Тимоша послѣднимъ.

Онъ сидѣлъ совсѣмъ рядомъ съ отцомъ на своемъ маленькомъ стулѣ. Бобъ взялъ его маленькую худую ручку въ свою, какъ бы боясь лишиться своего дорогого ребенка.

— Духъ!—сказалъ Скруджъ съ участіемъ, котораго никогда еще не ощущалъ до сихъ поръ.— Скажи мнѣ, останется ли живъ Тимоша?

— Я вижу незанятый стулъ въ томъ бѣдномъ уголкѣ,—отвѣчалъ духъ,—и костыль безъ хозяина, бережно хранимый семьей. Если эти тѣни не будутъ измѣнены будущимъ—ребенокъ умретъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ Скруджъ.— О, нѣтъ, добрый духъ! скажи, что онъ будетъ живъ.

— Если эти тѣни не измѣнятся будущимъ, ни одинъ изъ моихъ сородичей не найдетъ его здѣсь,—возразилъ духъ.— Да и что тебѣ въ томъ? Если ему нужно умереть, тѣмъ лучше, меньше будетъ лишнихъ людей.

Скруджъ понурилъ голову, услышавъ повторен-

НЫЯ ДУХОМЪ СВОИ СОБСТВЕННЫЯ СЛОВА, И ИМЪ ОВЛАДѢЛО ЧУВСТВО РАСКАЯНІЯ И ПЕЧАЛИ.

— Человѣкъ!—произнесъ духъ,—если у тебя въ груди человѣческое сердце, а не алмазь, воздержись отъ неумѣстныхъ словъ, пока не узнаешь, что лишнее и гдѣ оно. Тебѣ ли рѣшать, которому человеку жить, которому умирать? Вѣдь, можетъ быть, въ глазахъ Неба ты гораздо недостойнѣе и негоднѣе для жизни, чѣмъ милліоны дѣтей этихъ бѣдняковъ. О, Боже! ничтожный червь, взобравшійся на травку, не считаетъ за оставшимися внизу своими голодными братьями одинаковыхъ съ собою правъ на жизнь!

Скрудзь преклонился передъ укоризной духа и, дрожа всѣмъ тѣломъ, опустилъ глаза въ землю. Но быстро поднялъ голову, услышавъ свое имя.

— Предлагаю вамъ теперъ выпить за здоровье мистера Скрудзя, виновника нашего пира,—произнесъ Бобъ.

— Хорошъ виновникъ пира! — воскликнула мистриссъ Крэтчить, краснѣя.—Жаль, что его здѣсь нѣтъ: я бы дала ему себя знать, въ другой разъ не захотѣлъ бы.

— Э, полно, моя милая,—замѣтилъ Бобъ:—при дѣтяхъ-то, да и въ такой праздникъ.

— Хорошъ праздникъ,—продолжала она,—когда предлагаютъ пить за здоровье такого отвратитель-

наго скряги, жестокаго, безчувственнаго человѣка, какъ мистеръ Скруджъ. Точно ты самъ этого не знаешь, Робертъ! Тебѣ, бѣднягѣ, это лучше всѣхъ извѣстно.

— Вѣдь нынче Рождество Христово, — отвѣтилъ Бобъ.

— Хорошо, я готова вышить за его здоровье, но только не ради его самого, а ради тебя и ради великаго праздника. Многія ему лѣта! Съ праздникомъ его и наступающимъ Новымъ годомъ! — То-то, думаю я, будетъ онъ счастливъ и веселъ.

За нею тостъ повторили дѣти. Это было ихъ первымъ дѣйствіемъ, гдѣ сердце ихъ не участвовало. Тимоша вышилъ послѣднимъ и еще равнодушнѣе прочихъ, ибо Скруджъ былъ въ глазахъ этой семьи какимъ-то людоѣдомъ, чудовищемъ. Упомянутое его имени бросило черную тѣнь на все маленькое общество, и эта тѣнь минутъ пять не могла разсѣяться.

Когда, наконецъ, она исчезла, веселое настроеніе ихъ удесятерилось. Бобъ Крэтчитъ сообщилъ имъ тогда, что у него имѣлось въ виду мѣсто для Петра, которое, если удастся получить его, будетъ приносить цѣлыхъ пять съ половиною шиллинговъ въ недѣлю. Оба младшіе Крэтчита разразились неудержимымъ смѣхомъ, представляя себѣ, какъ Петръ будетъ дѣловымъ человѣкомъ; самъ же Петръ глубокомысленно смотрѣлъ изъ-за своихъ воротничковъ на

огонь, какъ будто разсуждая про себя, какое онъ предпочтетъ себѣ сдѣлать платье, когда будетъ обладать такимъ несмѣтнымъ доходомъ. Марта, бывшая въ ученьи у модистки, рассказала имъ потомъ, какая у нея была работа и какъ по случаю праздника намѣревалась завтра выспаться; какъ нѣскольکو дней тому назадъ она видѣла графиню и лорда, и какъ этотъ лордъ былъ почти такъ же высокъ ростомъ, какъ Петръ. Послѣдній при этихъ словахъ еще дальше выправилъ свои воротнички, такъ что изъ-за нихъ едва видно было его самого. А между тѣмъ каштаны и кружка ходили взадъ и впередъ по рукамъ. Немного спустя Тимоша запѣлъ пѣсенку при покинутого ребенка, какъ онъ шель зимою по снѣжной дорогѣ; хотя и слабый, жалкій голосокъ былъ у малютки, а спѣлъ онъ очень не дурно.

Ничего выдающагося семья эта не представляла. Лицомъ они всѣ были некрасивы, одѣты и обуты плохо, и Петру не въ диковинку было заглядывать въ лавку закладчика; тѣмъ не менѣе они были счастливы, довольны другъ другомъ и праздникомъ. Когда пришло время духу и Скруджу покинуть это жилище, и образъ семьи сталъ блѣднѣть, Скруджъ до послѣдней минуты не спускалъ глазъ съ этихъ людей и особенно съ Тимоши.

Между тѣмъ стало темнѣть, и пошелъ густой снѣгъ. Когда Скруджъ и духъ шли вдоль улицъ,

взорамъ ихъ представлялось отовсюду свѣтившееся яркое пламя печей и каминовъ. Здѣсь, видимо, готовились къ обѣду, тамъ кучка дѣтей выбѣгала изъ дома навстрѣчу своей замужней сестры, своихъ братьевъ, дядюшекъ, тетюшекъ. Тамъ опять на опущенныхъ сторахъ виднѣлись силуэты уже собравшихся гостей, а здѣсь группа хорошенькихъ барышень, въ мѣховыхъ шубкахъ и теплыхъ сапожкахъ, быстро направлялась къ сосѣднему дому, тараторя всѣ сразу и не слушая другъ друга.

При видѣ такого множества людей, идущихъ въ гости, вы бы пришли въ недоумѣніе, кто же въ такомъ случаѣ оставался дома принимать всѣхъ этихъ посѣтителей и растапливать въ ожиданіи ихъ свои камины.

О, какъ торжествовалъ спутникъ Скруджа при видѣ всего этого! Какъ широко раскрывалась его могучая грудь, какъ свободно протягивалась его сильная рука, распространяя искреннее и невинное веселье повсюду вокругъ себя. Даже фонащикъ, видимо торопившійся въ гости, такъ какъ былъ одѣтъ по-праздничному и бѣгомъ спѣшилъ отъ фонаря къ фонарю поскорѣе разбросать по темнымъ улицамъ убогіе пятнышки свѣта—и тотъ громко разсмѣялся, поравнявшись съ духомъ.

Вдругъ, ни словомъ не предупредивъ Скруджа, духъ перенесъ его на пустынную, болотистую мѣстность, гдѣ нагромождены были высокія кучи

необдѣланнаго камня, представляя собою какое-то кладбище великановъ. Кругомъ, между замерзшихъ лужъ воды, виднѣлись только мохъ да верескъ, да кочья какой-то грубой, жесткой травы.

Заходящее солнце оставило на небосклонѣ огненно-красную полосу, которая рѣзко, какъ бы мигнувъ, освѣтила на минуту эту дикую пустыню, а затѣмъ, все хмурясь и хмурясь, исчезла въ глубокомъ мракѣ ночи.

— Что это за мѣсто?—спросилъ Скруджъ.

— Здѣсь живутъ рудокопы, которые трудятся въ нѣдрахъ земли, — отвѣчалъ духъ.—Но и они меня знаютъ. Вотъ, смотри!

Изъ окна какой-то хижины показался огонекъ, и они быстро двинулись туда. Пройдя сквозь сложенную изъ камней и грязи стѣну, они увидали веселое общество, собравшееся вокругъ яркаго огня,—старый-престарый мужчина и такая же женщина, ихъ дѣти, внуки и правнуки, всѣ разряженные по-праздничному. Старикъ голосомъ, едва заглушавшимъ вой гулявшаго за стѣнами хижины вѣтра, пѣлъ имъ рождественскую пѣсню; это была очень старинная пѣсня, которую онъ пѣвалъ еще мальчикомъ; отъ времени до времени ему подпѣвали хоромъ остальные, и каждый разъ, какъ тѣ возвышали голоса, громче и веселѣе начиналъ пѣть и старикъ; какъ только замолкали они, и его голосъ раздавался слабѣе.

Духъ не сталъ медлить здѣсь, но, велѣвъ Скруд-жу ухватиться за свое платье, понесся съ нимъ надъ болотомъ, но—куда?

Не къ морю ли? Да, къ морю. Оглянувшись назадъ, Скруджъ къ ужасу своему увидѣлъ, что берегъ, въ видѣ страшныхъ утесистыхъ громадъ, уже позади ихъ; уже оглушаетъ его ревъ волнующагося моря, которое клокочетъ и бѣснуется, какъ будто хочетъ подмыть самыя основы суши.

На уединенной, полупогруженной въ воду, скалѣ, въ разстояніи около мили отъ берега, стоялъ одинокій маякъ. Цѣлыя кучи водорослей облѣпляли его основаніе, а буревѣстники — такіе же сыны вѣтра, какъ водоросли дѣти волнъ — взлетали и опускались вокругъ него, подобно волнамъ, надъ которыми они носились.

Но даже и здѣсь двое сторожей развели огонь, бросавшій сквозь узкое окошко тонкій лучъ свѣта на темное море. Дружески протянувъ черезъ стѣль свои мозолистыя руки, державшія по стакану грога, они поздравляли другъ друга съ праздникомъ; и одинъ изъ нихъ, который былъ по-старше, съ загрубѣлымъ отъ буръ и непогодъ, какъ галліонъ стараго корабля, лицомъ, затынулъ громкую, что сама буря, пѣсню.

Снова понесся духъ надъ чернымъ бушующимъ моремъ, стремясь все дальше и дальше, пока, очу-

тившись вдали отъ всякаго берега, они не опустили на корабль. Они становились и рядомъ съ рулевымъ за колесомъ, и позади часового, и подлѣ офицеровъ, державшихъ вахту; — подобно темнымъ призракамъ стояли эти люди каждый на своемъ посту, но каждый изъ нихъ или напѣвалъ про себя какую-нибудь рождественскую пѣсенку, или думалъ какую-либо рождественскую думу, или шопотомъ говорилъ своему товарищу объ одномъ изъ прошлыхъ праздниковъ и соединенныхъ съ нимъ надеждахъ или воспоминаніяхъ о родинѣ. И у всякаго изъ бывшихъ на кораблѣ, спящаго ли, или бодрствующаго, и хорошаго и дурного — у всѣхъ находилось въ такой день болѣе доброе чѣмъ обыкновенно слово, и всѣ такъ или иначе, больше или меньше, отличали торжественное значеніе этого дня; вспоминали тѣхъ, о комъ и въ далекой разлукѣ они заботились, зная, что и тѣ въ свою очередь вспоминаютъ о нихъ.

Велико было удивленіе Скруджа, когда, прислушиваясь къ вою вѣтра и размышляя о томъ, какъ страшно должно быть плыть во тьмѣ надъ неизвѣданной пучиной, таящей въ себѣ глубокія, какъ сама смерть, тайны—когда, занятый такими мыслями, онъ вдругъ услышалъ веселый смѣхъ. Но Скруджъ еще болѣе удивился, узнавъ, что это былъ смѣхъ его племянника, что самъ онъ очутился въ сухой, ярко освѣщенной комнатѣ, и что рядомъ съ

нимъ стоялъ улыбающійся духъ, одобрительно-ласково смотрѣвшій на племянника Скруджа.

— Ха, ха! — смѣялся племянникъ Скруджа. — Ха, ха, ха!

Если вамъ по какому-нибудь невѣроятному случаю пришлось познакомиться съ человѣкомъ, который бы смѣялся увлекательнѣе Скруджева племянника, могу васъ только объ одномъ просить — познакомить меня съ нимъ, и я буду весьма радъ этому знакомству.

Благодѣтеленъ и вполне справедливъ тотъ порядокъ вещей, по которому, при заразительности болѣзней и печали, на свѣтѣ нѣтъ ничего заразительнѣе смѣха и веселаго расположенія духа. Когда племянникъ Скруджа смѣялся такъ, что держался за бока, раскачиваясь головою и выдѣлывая лицомъ всевозможныя гримасы, племянница Скруджа по мужу хохотала такъ же искренно, какъ и онъ, а вслѣдъ за ними хохотала и вся ихъ дружеская компанія.

— Ха, ха! Ха, ха, ха, ха!

— Ну, право же онъ сказалъ, что Рождество, это пустяки! Да онъ и впрямь такъ думаетъ! — кричалъ Скруджевъ племянникъ.

— Тѣмъ больше ему должно быть стыдно, Фридрихъ! — съ негодованіемъ сказала племянница.

Женщины ничего не дѣлаютъ на половину. Онъ ко всему относятся серьезно.

Она была очень, очень красива. Наивное, какъ бы удивленное личико, пара самыхъ лучезарныхъ глазъ, которые вамъ когда-либо встрѣчались, маленькій розовый ротикъ, какъ-будто созданный для поцѣлуевъ, что, впрочемъ, несомнѣнно и было; нѣсколько плѣнительныхъ ямочекъ вокругъ подбородка придавали ей особенную прелесть, когда она смѣялась.

— Что онъ чудакъ,—сказалъ племянникъ,—такъ это вѣрно, и не такъ привѣтливъ, какъ бы могъ быть, но несправедливость его сама себя наказываетъ, и я ничего противъ него не имѣю.

— Онъ, конечно, очень богатъ, Фридрихъ,—замѣтила племянница. — По крайней мѣрѣ ты мнѣ такъ рассказываешь.

— Что намъ до этого, милая!—сказалъ племянникъ.—Да и ему нѣтъ пользы отъ его богатства. Никакого добра онъ изъ него не дѣлаетъ и на себя ничего не тратитъ. Развѣ, чего добраго, утѣшается мыслью—ха, ха, ха!—что когда-нибудь насъ наградитъ имъ.

— Нѣтъ, не терплю я его,—замѣтила племянница.

То же мнѣніе высказали ея сестры и всѣ остальные дамы и барышни.

— А я такъ жалѣю его, — сказалъ племянникъ.—Если бы и захотѣлъ, и то, кажется, не разсердился бы на него. Кто терпитъ отъ его

странностей? — Всегда онъ самъ. Представилось ему теперь, что онъ насъ не любить, и вотъ онъ не хочетъ придти къ намъ обѣдать. А что изъ этого? Не велика для него потеря.

— Напротивъ, мнѣ кажется, что онъ лишаетъ себя очень хорошаго обѣда, — перебила мужа племянница.

То же сказали каждый изъ гостей, а они могли быть компетентными судьями, такъ какъ только что встали изъ-за обѣда, и теперь, расположившись вокругъ камина, занимались десертомъ.

— Очень радъ это слышать, — сказалъ племянникъ Скруджа, — потому что не очень-то довѣряю этимъ молодымъ хозяйкамъ. Какъ ваше мнѣніе, Тошерь?

Тошерь, очевидно, имѣлъ въ виду одну изъ сестеръ Скруджевой племянницы, такъ какъ отвѣчала, что холостякъ—это жалкій отбросокъ, который не имѣетъ права высказываться объ этомъ предметѣ. При этомъ одна изъ сестрицъ покраснѣла—не та, у которой были розы въ головѣ, а другая, толстуха, что въ кружевной косынкѣ.

— Продолжай дальше, Фридрихъ, — сказала Скруджева племянница, ударяя въ ладоши. — Онъ всегда такъ: начнетъ говорить, и не кончить.

Племянникъ Скруджа снова закатился смѣхомъ, и такъ какъ невозможно было имъ не заразиться, хотя сестрица-толстуха и пыталась вопро-

виться этому при помощи ароматическаго уксуса, то всѣ единодушно послѣдовали примѣру хозяина.

— Я только хотѣлъ сказать,—заговорилъ онъ,— что вслѣдствіе его нелюбви къ намъ и нежеланія повеселиться съ нами, онъ, думаю, теряетъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, которыя бы не принесли ему вреда. Я увѣренъ, что онъ лишается болѣе пріятныхъ собесѣдниковъ, чѣмъ какихъ можетъ найти въ своихъ собственныхъ мысляхъ, въ своей затхлойдѣ конторѣ или въ своихъ пыльныхъ комнатахъ. Я намѣренъ каждый годъ доставлять ему такой же случай, будетъ ли это ему нравиться или нѣтъ, потому что мнѣ жаль его. Пускай его будетъ всю жизнь свою смѣяться надъ Рождествомъ; но, наконецъ, станетъ же онъ лучше о немъ думать, если я изъ года въ годъ весело буду являться къ нему и говорить: какъ ваше здоровье, дядюшка Скруджъ? Если этимъ я добьюсь хотя того, что онъ оставитъ пятьдесятъ фунтовъ своему бѣдному конторщику, и то хорошо; и мнѣ кажется, что я вчера тронулъ его.

Теперь ужъ за ними была очередь разсмѣяться, когда онъ сказалъ, что растрогалъ Скруджа. Но, по добротѣ своего сердца, онъ не смущался этимъ смѣхомъ—только бы смѣялись. Чтобы подогрѣть веселость гостей, онъ еще началъ ихъ потчевать виномъ.

Напившись чаю, всѣ занялись музыкой. Это

была музыкальная семья и, что касается пѣнія, они были мастера своего дѣла, въ чемъ могу васъ увѣрить, а въ особенности Топперъ, который басыль преисправно, нисколько притомъ не надуваясь и не краснѣя въ лицѣ. Племянница Скруджа не дурно играла на арфѣ; между прочимъ она сыграла маленькую, очень простую по мотиву, пѣсенку, которую хорошо зналъ ребенокъ, пріѣзжавшій когда-то въ школу за Скруджемъ. Когда раздались звуки этой пѣсенки, все, что этотъ духъ показалъ Скруджу, пришло ему теперь на память; онъ становился все мягче и мягче и думалъ, что если бы прислушивался къ ней почаще въ теченіе долгихъ лѣтъ, то могъ бы достигнуть радостей въ своей жизни своими собственными руками, не прибѣгая къ заступу могильщика, похоронившаго Якова Марлея.

Но не весь вечеръ былъ посвященъ ими музыкѣ. Немного спустя они стали играть въ фанты. Хорошо иногда быть дѣтьми, особенно въ праздники Рождества. Сначала, впрочемъ, затѣялась игра въ жмурки—это ужъ само собою разумѣется. И я столько же вѣрю въ дѣйствительную слѣпоту Топшера, сколько въ то, что глаза у него были въ сапогахъ. Я полагаю, что все дѣло было заранее рѣшено между нимъ и племянникомъ Скруджа, и что духу настоящаго Рождества это было извѣстно. Тотъ способъ, какимъ Топперъ ловилъ тол-

стю сестрицу въ кружевной косынкѣ, былъ прямой насмѣшкой надъ человѣческой довѣрчивостью. Роняя то ту, то другую вещь, прыгая черезъ стулья, натыкаясь на рояль, запутываясь въ драпировкахъ, онъ неизмѣнно устремлялся вслѣдъ за нею. Онъ всегда зналъ, гдѣ была толстая сестрица, и никого другого не хотѣлъ ловить. Когда нѣкоторые нарочно поддавались ему, онъ дѣлалъ видъ, какъ будто хочетъ схватить васъ, чему бы вы, конечно, не повѣрили, и вдругъ бросался отъ васъ въ сторону толстой сестрицы. Она не разъ кричала, что это нехорошо, неправильно, — конечно такъ. Но когда онъ, наконецъ, поймалъ ее, когда, несмотря на всѣ ея уловки и хитрости, онъ загналъ ее въ уголь, изъ котораго уже нельзя было спастись, — тогда поведеніе его стало окончательно невозможнымъ. Подъ предлогомъ сомнѣнія, она ли это, онъ увѣрялъ, что ему необходимо дотронуться до ея головного убора, а для окончательнаго удостовѣренія ея личности онъ будто бы принужденъ обслѣдовать одно колечко на ея пальцѣ и ея шейную цѣпочку. Не правда ли, развѣ не чудовищно такъ вести себя? По этому предмету она, вѣроятно, и высказывала ему свое мнѣніе, когда водить пришлось другому, а они вели какую-то таинственную бесѣду за занавѣской. Племянница Скруджа не принимала участія въ жмуркахъ, ее усадили на кресло въ уютномъ уголкѣ,

такъ что Скруджъ съ духомъ очутились рядомъ съ нею. Зато она участвовала въ фантахъ, а потомъ и въ игрѣ какъ, когда и гдѣ, при чемъ, къ тайному удовольствію мужа, совсѣмъ забила своихъ сестеръ, хотя и тѣ были очень острыя барышни, какъ Топперъ могъ бы сообщить вамъ. Общество состояло человѣкъ изъ двадцати, и всѣ они, и старые, и молодые, играли. Игралъ и Скруджъ; вполнѣ участвуя во всемъ происходившемъ передъ нимъ, онъ совсѣмъ забылъ, что они не могли слышать его голоса, а потому иногда совершенно громко произносилъ свой отвѣтъ на предложенный вопросъ и очень часто отвѣчалъ удачно.

Духъ былъ очень доволенъ, видя его въ такомъ настроеніи, и такъ одобрительно смотрѣлъ на него, что онъ какъ мальчикъ сталъ просить его остаться здѣсь, пока гости не разъѣдутся. Но духъ сказалъ, что этого нельзя сдѣлать.

— Вотъ новая игра, — упраживалъ Скруджъ. — Только полчаса, духъ; ну, пожалуйста!

Это была игра подъ названіемъ Да и нѣтъ, въ которой племянникъ Скруджа долженъ былъ что-нибудь задумать, а остальные должны были отгадывать; онъ только отвѣчалъ да или нѣтъ на ихъ вопросы. А они градомъ сыпались на него: онъ думаетъ о животномъ, о гадкомъ животномъ, о дикомъ животномъ, которое ворчитъ и хрюкаетъ,

а иногда разговариваетъ, и живетъ въ Лондонѣ, и ходитъ по улицамъ, и за деньги не показывается, и никѣмъ не водится, не живетъ въ звѣринцѣ, не убивается для продажи, и ни лошадь, ни осель, ни корова, ни быкъ, ни тигръ, ни собака, ни свинья, ни кошка, ни медвѣдь. При каждомъ новомъ вопросѣ, съ которымъ обращались къ нему, племянникъ раздражался новымъ раскатомъ смѣха; наконецъ, его довели до того, что онъ принужденъ былъ вскочить съ дивана и затопать ногами. Тутъ толстая сестрица, придя въ такое же состояніе неудержимой веселости, прокричала:

— Я отгадала! Я знаю, кто это! Знаю, знаю!

— Ну, кто?—спросилъ Фридрихъ.

— Вашъ дядя Скру-у-джъ.

Она дѣйствительно отгадала. Послѣдовало всеобщее удивленіе, хотя нѣкоторые и говорили, что на вопросъ: „не медвѣдь ли?“ слѣдовало сказать— „да“, такъ какъ отрицательнаго отвѣта было достаточно, чтобы отвлечь ихъ мысли отъ Скруджа, какъ бы близко онъ къ нему ни были.

— Право, онъ доставилъ намъ много удовольствія, — сказалъ Фридрихъ, — и было бы неблагодарностью не выпить за его здоровье. Вотъ кстати и стаканъ съ глинтвейномъ. За здоровье дядюшки Скруджа!

— Хорошо! За здоровье дяди Скруджа!—было ему отвѣтомъ.

— Каковъ бы онъ ни былъ, желаю старику веселыхъ праздниковъ и счастливаго Новаго года! — произнесъ племянникъ. — Онъ не принялъ бы отъ меня этого привѣтствія, но Богъ съ нимъ. Итакъ за здоровье дяди Скруджа!

Дядя Скруджъ незамѣтно такъ развеселился, ему стало такъ легко и пріятно на сердцѣ, что онъ готовъ былъ отвѣтить тостомъ неподозрѣвавшему его присутствія обществу и поблагодарить неслышною для него рѣчью, если бы духъ далъ ему время. Но вся сцена исчезла въ одно мгновеніе при послѣднемъ словѣ племянника; и Скруджъ и духъ снова очутились въ пути.

Много мѣстъ обошли они, многое видѣли и, въ какой домъ ни заходили, всюду приносили счастье. Духъ становился у постелей больныхъ, и они утѣшались и дѣлались веселы; являлся къ живущимъ на чужбинѣ, и къ нимъ придвигалась родина; посѣщаль удрученныхъ жизненной борьбою, и къ нимъ возвращались терпѣніе и надежда — бѣдныхъ, и они забывали, что они бѣдны. Въ богадѣльняхъ, въ больницахъ, въ тюрьмахъ, во всѣхъ пріютахъ нищеты, куда суетный человѣкъ, въ силу своей ничтожной, быстро-преходящей власти, не преграждалъ путь духу, повсюду онъ оставлялъ благословеніе и наставлялъ Скруджа въ своихъ правилахъ.

Это была длинная ночь, если это была только одна ночь. Но Скруджъ сомнѣвался въ этомъ, такъ

какъ всѣ рождественскіе праздники представлялись сжатыми въ пространствѣ времени, которое они провели вмѣстѣ съ духомъ. Другая странность заключалась въ томъ, что, тогда какъ Скруджъ оставался неизмѣнившимся въ своей наружности, духъ видимо становился все старше и старше. Скруджъ раньше замѣтилъ въ немъ эту перемену, но ничего не говорилъ объ этомъ до того времени, когда они, покинувъ одну дѣтскую вечеринку, очутились на открытомъ мѣстѣ. Здѣсь Скруджъ замѣтилъ, что у духа волосы посѣдѣли.

— Развѣ такъ коротка жизнь духовъ? — спросилъ онъ.

— Моя жизнь на земномъ шарѣ очень коротка, — отвѣтилъ духъ. — Сегодня ночью ей конецъ.

— Сегодня ночью! — воскликнулъ Скруджъ.

— Да, сегодня въ полночь. Чу! время близко.

Въ эту минуту на башнѣ пробило три четверти двѣнадцатаго.

— Прости меня, если я не имѣю права объ этомъ спрашивать, — сказалъ Скруджъ, пристально смотря на платье духа, — но я вижу, что что-то странное, не принадлежащее тебѣ, выглядываетъ изъ-подъ твоей полы. Что это — нога или лапа съ когтями?

— По тому, сколько на ней мяса, ее, пожалуй, вѣрнѣе назвать лапою съ когтями, — былъ грустный отвѣтъ духа. — Смотри сюда.

Изъ-подъ широкихъ складокъ его одежды вышло двое дѣтей, жалкихъ, отвратительныхъ, ужасныхъ, несчастныхъ. Они опустились на колѣна у его ногъ и ухватились за край его одежды.

— Смотри, смотри сюда, человѣкъ, смотри! — воскликнулъ духъ.

Это были мальчикъ и дѣвочка. Желтые, худые, оборванные, съ дикимъ, какъ у волка, взглядомъ, но въ то же время покорные.

Тамъ, гдѣ благодатная юность должна была бы округлить черты и придать имъ самыя свѣжія свои краски, жесткая, морщинистая, какъ у старика, рука, казалось, ощипала, скрутила и изорвала ихъ въ лоскутья. Гдѣ бы царить ангеламъ—оттуда угрожающе, дико выглядывали дьяволы. Ни на какой степени измѣненія, упадка, или извращенія чело-вѣчества, среди всѣхъ тайнъ непостижимаго творенія, нѣтъ и наполовину столь страшныхъ чудовищъ.

Скрудъ въ ужасѣ отшатнулся назадъ. Считая ихъ, должно быть, за дѣтей духа, онъ было хотѣлъ сказать, что это прелестныя дѣти, но слова замерли у него на языкѣ, отказываясь быть участниками такой колоссальной лжи.

— Духъ, твои они?—только и могъ онъ произнести.

— Это человѣческія дѣти,—сказалъ духъ, глядя на нихъ.—Они хватаются за меня съ жалобой на

своихъ отцовъ. Этотъ мальчикъ Невѣжество. Эта дѣвочка Нужда. Берегись ихъ обоихъ, но больше всего остерегайся этого мальчика, ибо на лбу его я читаю приговоръ Судьбы, если только написанное не будетъ изглажено. Не признавайте его! — воскликнулъ духъ, простирая руку по направленію къ городу. — Злословьте тѣхъ, кто говоритъ вамъ объ этомъ! Допускайте его ради вашихъ партійныхъ цѣлей и усугубляйте зло! И ждите конца!

— Развѣ у нихъ нѣтъ опоры, нѣтъ приюта? — спросилъ Скруджъ.

— А развѣ нѣтъ тюремъ?—сказалъ духъ, обращаясь къ нему съ послѣднимъ своимъ словомъ. — Развѣ нѣтъ рабочихъ домовъ?

Колоколь пробилъ полночь.

Скруджъ сталъ искать глазами духа, но его не было видно. Какъ только замеръ послѣдній звукъ колокола, онъ вспомнилъ предсказаніе Марлея и, поднявъ глаза, увидалъ окутанный съ головы до ногъ таинственный призракъ, который, какъ туманъ по землѣ, медленно къ нему приближался.

IV.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ДУХОВЪ.

Призракъ подвигался тихо, торжественно, молча. Когда онъ приблизился, Скруджъ упалъ на колѣна, потому что въ самой атмосферѣ, чрезъ которую подвигался этотъ духъ, онъ, казалось, распространялъ таинственный мракъ.

Онъ былъ закутанъ въ широкую черную одежду, скрывавшую его голову, лицо и станъ, оставляя на виду одну только протянутую впередъ руку. Не будь этого, трудно было бы отличить его фигуру отъ ночи и выдѣлить ее изъ окружавшаго ее мрака.

Очутившись рядомъ съ нимъ, Скруджъ чувствовалъ только, что онъ высокъ и строенъ и что его таинственное присутствіе наполняло его неизъяснимымъ ужасомъ. Дальше онъ ничего не зналъ, такъ какъ призракъ не говорилъ и не двигался.

— Передо мною духъ будущихъ Рождественскихъ праздниковъ?—произнесъ Скруджъ.

Духъ не отвѣчалъ, но указалъ рукою на землю.

— Ты хочешь показать мнѣ тѣни вещей еще не бывшихъ, но имѣющихъ совершиться въ будущемъ?—продолжалъ Скруджъ.—Не такъ ли?

Верхняя часть одежды собралась на мгновеніе

въ складки, какъ будто духъ наклонилъ голову вмѣсто отвѣта.

Хотя и попривыкнувъ за это время къ обществу духовъ, Скруджъ такъ сильно боялся этого молчаливаго образа, что ноги дрожали подъ нимъ, и ему казалось, что онъ едва можетъ стоять. Духъ оставался пока неподвижнымъ, какъ бы наблюдая за Скруджемъ и давая ему время придти въ себя.

Но Скруджу отъ этого было еще хуже. Необъяснимый ужасъ охватилъ его при мысли, что за таинственнымъ покровомъ скрывались глаза, пристально устремленные на него, тогда какъ онъ, какъ ни напрягалъ своего зрѣнiя, могъ видѣть только протянутую впередъ руку и большую черную массу.

— Духъ будущаго!—воскликнулъ онъ,—я боюсь тебя больше, чѣмъ любого изъ видѣнныхъ мною духовъ. Но зная, что цѣль твоя сдѣлать мнѣ добро, и такъ какъ я надѣюсь жить, чтобы стать другимъ, лучшимъ человѣкомъ, нежели я былъ, то я готовъ оставаться въ твоёмъ обществѣ и дѣлаю это съ чувствомъ благодарности. Ты не будешь говорить со мною?

Отвѣта не послѣдовало, только рука указывала впередъ.

— Веди! — сказалъ Скруджъ.—Веди! Ночь быстро исчезаетъ, а это драгоцѣнное для меня время. Я знаю. Веди, духъ!

Призракъ сталъ двигаться такъ же, какъ приближался. Скруджъ слѣдовалъ за нимъ въ тѣни его одежды, которая, какъ онъ думалъ, несла его.

Казалось, не они входили въ городъ, а городъ какъ бы самъ выросалъ вокругъ нихъ. Но вотъ они въ самомъ центрѣ его, на биржѣ, среди купцовъ; нѣкоторые изъ нихъ торопливо переходили съ мѣста на мѣсто, другіе разговаривали группами, посматривая на свои часы и глубокомысленно играя своими большими золотыми цѣпочками. Однимъ словомъ, передъ глазами нашихъ путниковъ повторялась картина, къ которой такъ привыкъ Скруджъ, часто посѣщавшій биржу.

Духъ остановился подлѣ одной кучки дѣловыхъ людей. Увидавъ, что рука указывала на нихъ, Скруджъ подошелъ послушать ихъ разговоръ.

— Нѣтъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, высокій, толстый господинъ съ огромнымъ подбородкомъ, — подробностей я не знаю, а только слышалъ, что онъ умеръ.

— Когда онъ умеръ? — полюбопытствовалъ другой.

— Вчера въ ночь, кажется.

— Какъ? что это съ нимъ сдѣлалось? — спросилъ третій, доставая крупную щепоть табаку изъ своей громадной табакерки. — Я такъ думалъ, что ему и вѣка не будетъ.

— А Богъ его знаетъ,—сказаль первый зѣвая.

— Что онъ сдѣлаль съ своими деньгами?—спросиль краснолицый господинъ съ такимъ огромнымъ наростомъ на концѣ носа, что онъ болтался у него, какъ у индюка.

— Не слыхаль, — отвѣтилъ человекъ съ широкимъ подбородкомъ, снова зѣвая. — Можетъ быть, компаніону своему оставилъ. Мнѣ онъ не отказаль ихъ—вотъ все, что я знаю.

Эта шутка встрѣчена была общимъ смѣхомъ.

— То-то дешевыя будутъ похороны, — сказалъ тотъ же собесѣдникъ: — хоть убей меня—не знаю никого, кто бы пошелъ на нихъ. Вотъ развѣ намъ собраться, такъ, по доброй волѣ?

— Пожалуй, я пойду, если будетъ завтракъ, — замѣтилъ джентльменъ съ наростомъ на носу. — Кто хочеть меня видѣть, долженъ кормить меня.

Опять смѣхъ.

— Такъ я, пожалуй, безкорыстнѣе всѣхъ васъ, — сказалъ первый собесѣдникъ, — потому что никогда не ношу черныхъ перчатокъ и никогда не завтракаю. Но я готовъ отправиться, если еще кто-нибудь пойдетъ. Вѣдь если подумать, то врядъ ли придется отрицать, что я былъ ближайшимъ его другомъ: при всякой встрѣчѣ мы, бывало, съ нимъ останавливались и разговаривали. Прощайте, господа!

Говорившіе и слушавшіе разошлись и скоро смѣ-

шались съ толпою. Скруджъ зналъ этихъ людей и посмотрѣлъ на духа, какъ бы ожидая отъ него объясненія.

Призракъ перенесся на улицу. Здѣсь палецъ его указалъ на двухъ встрѣтившихся людей. Скруджъ сталъ опять прислушиваться, думая, что найдетъ здѣсь объясненіе.

Онъ зналъ очень хорошо и этихъ людей. Это были дѣловые люди, очень богатые и важные. Онъ всегда старался быть у нихъ на хорошемъ счету, конечно съ дѣловой и именно съ дѣловой точки зрѣнія.

— Какъ вы поживаете?—сказалъ одинъ.

— А вы какъ?—спрашивалъ другой.

— Хорошо!—сказалъ первый.—Старый скрягато умеръ,—слышали вы?

— Говорятъ,—отвѣтилъ другой.—А вѣдь холодно, не правда ли?

— Какъ и должно быть о Рождествѣ. Вы, нужно полагать, на конькахъ не катаетесь?

— Э, нѣтъ. И безъ того есть о чемъ подумать. До свиданія.

Вотъ и все. Встрѣтились, поговорили и разстались.

Скруджъ сначала удивлялся, что духъ придаетъ значеніе такимъ, повидимому, пустымъ разговорамъ; но чувствуя, что въ нихъ кроется какая-нибудь тайная цѣль, онъ сталъ размышлять: чтѣ-бъ именно

это могло быть? Врядъ ли можно было предположить, что они имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ смерти Марлея, его стараго компаніона, потому что то было прошедшее, а это былъ духъ будущаго. Одинаково онъ не могъ отнести ихъ къ кому-либо изъ людей, непосредственно близкихъ ему. Не сомнѣваясь, однако, что къ кому бы они ни относились, въ нихъ заключается какая-нибудь скрытая мораль въ цѣляхъ его собственнаго исправленія, онъ рѣшился принимать къ сердцу всякое слышанное имъ слово и все, что увидитъ, въ особенности внимательно наблюдать свою собственную тѣнь, когда она будетъ являться. Онъ ожидалъ, что поведеніе его будущаго *я* дастъ ему ключъ къ разрѣшенію этихъ загадокъ.

Онъ тутъ же началъ искать глазами свой собственный образъ; но на его обычномъ мѣстѣ стоялъ другой, и хотя по времени это былъ всегдашній часъ пребыванія его на биржѣ, онъ не видѣлъ сходства съ собою ни въ одномъ изъ множества людей, спѣшившихъ войти въ двери биржевого зала. Впрочемъ, онъ не особенно дивился этому, такъ какъ мысленно уже измѣнилъ свою жизнь, а потому думалъ и надѣялся, что видитъ уже осуществившимися свои недавнія рѣшенія.

Неподвижнымъ и мрачнымъ стоялъ подлѣ него призракъ съ своею вытянутою рукою. Очнувшись отъ занимавшихъ его мысли вопросовъ, Скрудъжъ,

по измѣнившемуся положенію руки призрака, представилъ себѣ, что невидимый взоръ упорно остановился на немъ. Это заставило его содрогнуться, и сильный холодъ пробѣжалъ по его тѣлу.

Они покинули эту оживленную сцену и направились въ другую часть города, гдѣ Скруджу не приходилось бывать раньше, хотя ему извѣстно было, гдѣ она находится и какой дурной славой пользуется. Грязныя и узкія улицы; жалкіе дома и лавчонки; полуголое, пьяное и дикое населеніе. Безчисленные переулки и закоулки, подобно множеству сточныхъ ямъ, извергали на улицы отвратительное зловоніе, грязь и людей; отъ всего квартала несло порокомъ, скверной и нищетою.

Въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ этого логовища позора скрывалась подъ покатою кровлей низенькая лавчонка, гдѣ продавалось желѣзо, старые лохмотья, бутылки, кости и всякіе сальные, грязные отброски. Внутри ея, на полу, лежали кучи ржавыхъ ключей, гвоздей, цѣпей, крючковъ, петель, вѣсовъ, гирь и тому подобнаго желѣзнаго лома. Тайны, на разгадку которыхъ немного нашлось бы охотниковъ, зарождались и погребались здѣсь въ грудахъ непригляднаго тряпья, кучахъ протухлаго сала и старыхъ костей.

Посреди этихъ товаровъ, около печки, сложенной изъ старыхъ кирпичей, сидѣлъ сѣдовласый семидесятилѣтній плуть-хозяинъ, который, загородивъ

себя отъ наружнаго холода растянutoй на веревкѣ занавѣской изъ засаленнаго тряпья, сосалъ свою трубку, наслаждаясь тихимъ уединеніемъ.

Скрудзь и призракъ очутились въ присутствіи этого человѣка въ ту самую минуту, когда въ лавку проскользнула женщина съ тяжелымъ узломъ въ рукахъ. Вслѣдъ за нею вошла другая женщина съ подобной же ношей, а за ней мужчина въ полинявшей черной одеждѣ, который не менѣе былъ испуганъ при видѣ женщинъ, чѣмъ онѣ сами, когда узнали другъ друга. Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго изумленія, которое раздѣлялъ и самъ хозяинъ лавочки, они всѣ трое разразились смѣхомъ.

— Приди сперва поденщица одна!—сказала женщина, вошедшая сначала. — Потомъ бы прачка одна, а третьимъ бы гробовщикъ, тоже одинъ. А то' вотъ какой случай, дѣдушка Осипъ! Вѣдь нужно же было намъ здѣсь всѣмъ вмѣстѣ столкнуться!

— Да гдѣ же вамъ и сойтись, какъ не здѣсь,—отвѣчалъ старикъ, отнимая ото рта трубку.— Пойдемте въ пріемную, ты тамъ уже давно свой чловѣкъ; да и тѣ обѣ тоже не чужія. Дайте только запереть наружную дверь. Ишь ты какъ скрипитъ. Пожалуй что ржавѣе этихъ петель ничего здѣсь не найдется, и костей старше моихъ тутъ не сыщешь. Ха, ха! Мы всѣ подходящій народъ для нашего дѣла. Ступайте, ступайте въ пріемную.

Пріемной называлось пространство за занавѣ-

ской изъ лохмотьевъ. Старикъ сгрѣбъ уголья въ печкѣ старымъ прутомъ отъ шторы и, поправивъ свой смрадный ночникъ (была уже ночь) чубукомъ своей трубки, засунулъ ее снова въ ротъ.

Тѣмъ временемъ женщина, явившаяся первою, бросила свой узелъ на полъ и съ важностью усѣлась на стулъ, облокотившись на колѣна и нахально-недовѣрчиво посматривая на остальныхъ двоихъ.

— Ну, что же? зачѣмъ дѣло стало, мистриссъ Дильберсъ?—сказала она.—Всякій имѣетъ право о себѣ заботиться. Онъ самъ всегда такъ поступалъ!

— И то правда! — сказала прачка. — На этотъ счетъ ему пары не было.

— Такъ что жъ вы глаза-то вытаращили, точно испугались другъ друга? Ну, кто умнѣй! Вѣдь не обобратъ одинъ другого мы пришли сюда.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! — сказали Дильберсъ и мужчина въ одинъ голосъ.—Совсѣмъ не для того, полагать надо!

— И отлично!—воскликнула женщина.—Больше ничего и не требуется. Кому тутъ убытокъ, что мы прихватили подобную бездѣлицу. Вѣдь не мертвецу же это нужно.

— Конечно, нѣтъ!—сказала Дильберсъ со смѣхомъ.

— Если старый скряга хотѣлъ, чтобы эти вещи остались цѣлы послѣ его смерти, — продолжала женщина,—такъ что жъ онъ жилъ не какъ люди? Живи онъ по-людски, было бы кому и присмотрѣть

за нимъ, когда смерть-то его настигла; не лежалъ бы такъ, какъ теперь—одинъ-одинешенекъ.

— Вѣрнѣ этого и сказать нельзя,—подтвердила Дильберсъ.—Подѣломъ ему.

— Не мѣшало бы этому узлу быть потяжеле,—отвѣтила женщина;—да и былъ бы онъ тяжеле, будьте покойны, только вотъ руки-то не дошли до другого. Развяжи-ка его, узель-то, дѣдушка Осипъ, да скажи, что онъ стоитъ. Говори на чистоту. Я не боюсь быть первой, и не боюсь, что они увидятъ. Мы вѣдь отлично знали, что помогали другъ другу, прежде чѣмъ здѣсь встрѣтились. Осипъ, развязывай узель.

Но учтивость ея друзей не допустила этого, и мужчина въ полиняломъ черномъ платьѣ, вскочивъ на брешь первымъ, выложилъ свою добычу. Не велика она была. Одна-двѣ печати, коробка для карандашей, пара пуговицъ отъ рукавовъ, дешевая брошь,—вотъ и все. Старикъ сталъ ихъ разсматривать и цѣнить, при чемъ сумму, которую готовъ былъ дать за каждую изъ вещей, писалъ мѣломъ на стѣнѣ; наконецъ, переписавъ всѣ вещи, подвелъ итогъ.

— Вотъ твой счетъ,—сказалъ старикъ,—и что хочешь со мной дѣлай, а я шести пенсовъ къ нему не прибавлю. Чья теперь очередь?

Очередь была за Дильберсъ. Тѣмъ же порядкомъ была записана оцѣнка принесенныхъ ею вещей:

простынь и полотенець, нѣсколькихъ штукъ носильнаго бѣлья, двухъ старинныхъ чайныхъ ложекъ, пары сахарныхъ щипчиковъ и нѣсколькихъ сапоговъ.

— Я всегда слишкомъ много плачу дамамъ. Такова ужъ моя слабость, этимъ и разорю себя, — сказала старикъ. — Вотъ что вамъ приходится. Если бы вы хоть пенсъ попросили прибавить, мнѣ пришлось бы раскаяться въ своей щедрости и прямо скостить полкроны.

— Ну, дѣдушка, теперь мой узелъ развязывай, — сказала первая женщина.

Старикъ сталъ на колѣна, чтобы удобнѣе было развязывать. Наконецъ, съ трудомъ распутавъ узелъ, онъ вытащилъ широкой и тяжелой свертокъ какой-то темной матеріи.

— Это что такое по-вашему? — спросилъ онъ. — Занавѣсъ отъ постели!

— А то что жъ? Занавѣсъ и есть, — отвѣтила женщина, смѣясь и подаваясь впередъ со своего стула.

— Такъ-таки вы его и стащили, цѣликомъ, съ кольцами и совѣмъ, когда онъ лежалъ подъ нимъ? — удивился Осипъ.

— Да, такъ и стащила. А что же?

— Вы рождены для того, чтобы составить себѣ состояніе, — замѣтилъ старикъ: — и вы этого достигнете.

— Понятное дѣло, я не положу охулки на руку, когда что попадетъ подъ нея, особенно ради

такого человѣка, какимъ онъ былъ, — равнодушно отвѣчала женщина. — Можете быть спокойны на этотъ счетъ. Смотрите, масло-то на одѣяло прольете.

...„Это что такое по-вашему?“ спросилъ онъ. „Занавѣсъ отъ постели!“

— Это его одѣяло? — спросилъ старикъ.

— А чье же еще по-вашему? Думаю, что онъ и безъ него теперь не простудится.

— Надѣюсь, онъ не отъ заразы какой-нибудь померъ? А? — спросилъ старикъ, оставивъ свое занятіе и посмотрѣвъ на нее.

— Этого не бойтесь, — отвѣчала женщина. — Я не настолько дорожу его обществомъ, чтобы оставаться около него для такого дѣла, если бы онъ

отъ заразы померъ. Хотя до боли глазъ смотрите сквозь ту сорочку, ни одной дырочки, ни одного протертаго мѣстечка не найдете въ ней. Это его лучшая сорочка была, да она и вправду отличная. Они бы истратили ее даромъ, если бы не я.

— Какъ такъ истратили бы ее? — спросилъ старикъ.

— Схоронили бы его въ ней, — отвѣчала женщина, смѣясь. — Какой-то дуракъ такъ было и сдѣлалъ; только я опять сняла ее. Если для этой цѣли коленкоръ не годится, такъ я не знаю, на что онъ послѣ того годенъ. Самая подходящая матерія для покойника. Въ ней онъ не смотритъ страшнѣе, чѣмъ въ той.

Скрудзь съ ужасомъ прислушивался къ этому разговору. Видя ихъ сидящими надъ своей добычей, при слабомъ свѣтѣ ночника, онъ смотрѣлъ на нихъ съ неменьшимъ отвращеніемъ, какъ если бы это были безобразные демоны, торговавшіеся изъ-за самага трупа его.

— Ха, ха! — раздался смѣхъ женщины, когда старикъ, вытащивъ изъ кармана фланелевый мѣшокъ съ деньгами, сталъ каждому отсчитывать его выручку. — Вотъ вамъ и конецъ всему! Пока живъ былъ, отпугивалъ отъ себя всякаго; зато какъ померъ, мы отъ него и попользовались! Ха, ха, ха!

— Духъ! — сказалъ Скрудзь, трясясь всѣмъ тѣломъ, — я вижу, вижу. Случай съ этимъ несчастнымъ человѣкомъ могъ бы повториться со мною

самимъ. Моя настоящая жизнь ведетъ къ тому. Милосердый Боже, что это такое!

Онъ отскочилъ въ ужасѣ, такъ какъ сцена измѣнилась, и онъ теперь почти касался кровати— кровати голой, безъ занавѣсокъ, на которой подъ худой, изорванной простыней лежало что-то прикрытое, которое, хотя и было нѣмо, говорило о себѣ ужаснымъ языкомъ.

Въ комнатѣ было очень темно, такъ темно, что разглядѣть ее хорошенько нельзя было, хотя Скруджъ, повинаясь тайному побужденію, осмотрѣлся кругомъ, чтобы узнать, что это была за комната. Блѣдный свѣтъ, пробивавшійся снаружи, падалъ прямо на кровать; а на ней, ограбленное, покинутое, безпризорное, неоплаканное, лежало тѣло человѣка.

Скруджъ взглянулъ въ сторону призрака. Его рука нечодвижно указывала на голову трупа. Покрышка была накинута такъ небрежно, что стоило бы Скруджу слегка дотронуться до нея пальцемъ, и лицо бы раскрылось. Онъ подумалъ объ этомъ, чувствовалъ, какъ легко бы ему было это сдѣлать, и ему сильно хотѣлось этого, но у него одинаково не хватало силъ сдвинуть покрывало, какъ и освободить себя отъ присутствія призрака.

О, холодная, холодная, суровая, страшная смерть! воздвигай здѣсь алтарь свой, одѣвай его ужасами, какіе есть въ твоей власти, ибо это твое царство!

Но ты не можешь, для своихъ страшныхъ цѣлей, тронуть ни одного волоса, не смѣешь исказить ни одной черты на лицѣ любимаго, почитаемаго и уважаемаго человѣка. Пусть тяжела рука, пусть падаетъ она, когда ея не держать; пусть не бьется сердце и не слышенъ пульсъ; зато эта рука была открыта, благородна и вѣрна; сердце было честно, горячо и нѣжно. Поражай, тѣнь, поражай! И смотри, какъ изъ нанесенной тобою раны изливаются добрыя дѣла, чтобы насѣять въ мѣръ жизнь безсмертную!

Не голосомъ были произнесены эти слова на ухо Скруджа, тѣмъ не менѣе онъ слышалъ ихъ, когда смотрѣлъ на постель. Онъ думалъ, что если бы можно было поднять теперь этого человѣка, то какія были бы его первыя мысли! Скупость, кулачество, жадность къ наживѣ? Къ доброму концу привели они его, въ самомъ дѣлѣ!

Одинокимъ лежалъ покойникъ въ уныломъ, пустомъ домѣ; около него ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, которые бы могли сказать, что вотъ онъ въ томъ или въ другомъ былъ добръ ко мнѣ, и, памятуя хоть одно доброе слово, я заплачу ему добромъ же. Какая-то одичалая кошка царапалась у двери, да слышалось, какъ подъ каминомъ возились мыши. Чего имъ нужно было въ этой комнатѣ смерти, и отчего обнаруживали онѣ такое безпокойство, о томъ Скруджъ не смѣлъ и помыслить.

— Духъ!—сказаль онъ, — это страшное мѣсто. Покидая его, я не забуду его урока, повѣрь мнѣ. Уйдемъ отсюда!

Но призракъ продолжалъ неподвижною рукою указывать ему на голову.

— Понимаю тебя, — произнесъ Скруджъ: — и я бы сдѣлаль это, если бы могъ. Но у меня нѣтъ силы, духъ. У меня нѣтъ силы.

Призракъ какъ будто снова поглядѣль на него.

— Если есть въ городѣ хотя кто-нибудь, кто принимаетъ къ сердцу смерть этого человѣка, — продолжалъ Скруджъ въ страшной тоскѣ, — то покажи мнѣ его, умоляю тебя, духъ!

Призракъ на мгновеніе распустилъ свое темное одѣяніе на подобіе крыла; затѣмъ, сложивъ его, открыль взорамъ Скруджа освѣщенную дневнымъ свѣтомъ комнату, въ которой находилась мать съ своими дѣтьми.

Она кого-то ждала и ждала съ большимъ нетерпѣніемъ, потому что быстро ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, выглядывала изъ окна, смотрѣла на часы, старалась, хотя и напрасно, принимать за свое шитье и едва могла переносить голоса рѣзвившихся дѣтей.

Наконецъ, послышался давно ожидаемый стукъ въ дверь. Она бросилась къ ней, и встрѣтила своего мужа; лицо его, хотя еще и молодое, носило печать заботъ и унынія. Теперь на немъ замѣтно

было какое-то странное выраженіе довольства, котораго онъ стыдился и которое, видимо, старался побороть въ себѣ.

Онъ сѣлъ за приготовленный для него обѣдъ, и когда она, послѣ долгаго молчанія, робко спросила его, что новаго, онъ, казалось, затруднялся отвѣтомъ.

— Хорошія или дурныя вѣсти?—спросила она, чтобы какъ-нибудь помочь ему.

— Дурныя,—былъ отвѣтъ.

— Мы разорены окончательно?

— Нѣтъ. Еще есть надежда, Каролина.

— Если онъ смягчится,—сказала она съ изумленіемъ,—то конечно есть! Можно надѣяться на все, если случится подобное чудо.

— Ему уже нельзя смягчиться. Онъ умеръ.

Она была кроткимъ и терпѣливымъ существомъ, если вѣрить ея лицу; но въ душѣ она рада была такому извѣстію, что и высказала, всплеснувъ при этомъ руками. Въ слѣдующую же минуту она просила у Бога прощенія и очень жалѣла о своей радости, хотя первое ощущеніе ея шло отъ сердца.

— То, что та полупьяная женщина, о которой я вчера вечеромъ говорилъ тебѣ, передавала мнѣ, когда я пытался повидаться съ нимъ, чтобы выпросить недѣльную отсрочку, и что я считалъ простымъ предлогомъ не принять меня — оказывается вполнѣ вѣрнымъ. Онъ не только былъ очень боленъ, но умиралъ тогда.

— Къ кому же перейдетъ теперь нашъ долгъ?

— Не знаю. Но къ тому времени деньги у насъ будутъ готовы; да если бы даже и не такъ, то было бы уже положительнымъ несчастьемъ, если бы преемникъ его оказался такимъ же безжалостнымъ кредиторомъ. Эту ночь мы можемъ спать спокойно, Каролина!

Да. Какъ ни старались они ослабить свое чувство, тѣмъ не менѣе это было чувство облегченія. Лица дѣтей, потихоньку столпившихся кругомъ, чтобы прислушаться къ столь мало понятному для нихъ разговору, просвѣтлѣли, и вообще весь домъ сталъ счастливѣе вслѣдствіе смерти этого человѣка. Единственное, вызванное этимъ событіемъ, ощущеніе, которое духъ могъ показать ему, было ощущеніемъ удовольствія.

— Покажи мнѣ какое-нибудь проявленіе чувства сожалѣнія по поводу чьей-либо смерти, — сказалъ Скруджъ: — иначе та мрачная комната, которую мы только что покинули, будетъ у меня всегда передъ глазами.

Призракъ провелъ его по нѣсколькимъ столь знакомымъ ему улицамъ; по пути Скруджъ смотрѣлъ направо и налево, ища себя, но его нигдѣ не было видно. Они вошли въ домъ Боба Крэтчита, въ тотъ самый, гдѣ онъ былъ уже раньше, и застали мать и дѣтей сидящими вокругъ огня.

Въ комнатахъ было тихо. Шумливые младшіе

Крѣтчиты неподвижно, какъ вкопанные, сидѣли въ углу, смотря на Петра, державшаго передъ собою книгу. Мать съ дочерьми заняты были шитьемъ и тоже молчали.

— „И Онъ взялъ младенца, и поставилъ его среди ихъ“.

Гдѣ слышалъ Скруджъ эти слова? Не во снѣ же онъ ихъ слышалъ. Вѣроятно, мальчикъ прочелъ ихъ, когда они съ духомъ переступали порогъ. Но что же онъ не продолжаетъ?

Мать положила на столъ свою работу и поднесла руку къ лицу.

— Мнѣ свѣтъ рѣжетъ глаза,—сказала она.

— Свѣтъ? Ахъ, бѣдный Тимоша!

— Ну, теперь опять ничего,—сказала мать. — Отъ свѣчки устаютъ у меня глаза, а мнѣ ни за что на свѣтѣ не хотѣлось бы показывать вашему отцу, когда онъ вернется домой, что они у меня плохи. Пора бы ему придти, кажется.

— Да, уже прошло его время,—отвѣчалъ Петръ, закрывая книгу. — Но мнѣ кажется, матушка, что послѣдніе нѣсколько дней онъ тише ходитъ, чѣмъ обыкновенно.

Всѣ снова замолкли. Наконецъ, мать нарушила молчаніе, произнеся твердымъ, веселымъ голосомъ, при чемъ онъ только разъ дрогнулъ:

— Знаю я, какъ онъ ходилъ, какъ шибко ходилъ, неся, бывало, на плечахъ Тимошу.

— И я знаю!—воскликнулъ Петръ.—Часто видаль.

— И я тоже!—повторили всѣ.

— Но его очень легко было носить,—продолжала она, углубившись въ свою работу:—и отецъ такъ любилъ его, что и за трудъ не считалъ. А вотъ и онъ, вапъ отецъ!

Она поспѣшно встала ему навстрѣчу, и Бобъ вошелъ, окутанный своимъ шарфомъ (бѣднягѣ онъ куда какъ былъ нуженъ). Чай для него стоялъ уже готовымъ на полкѣ камина, и всякій старался, какъ могъ, услужить ему. Затѣмъ двое младшихъ Крэтчитовъ забрались къ нему на колѣна и каждый изъ нихъ, прильнувъ щекой къ его лицу, какъ будто говорилъ: ничего, папа, не горюй!

Бобъ былъ очень веселъ съ ними и ласково бесѣдовалъ со всей семьей. Посмотрѣвъ лежавшую на столѣ работу и похваливъ прилежаніе и спорность жены и дочерей, онъ высказалъ увѣренность, что онѣ управятся задолго до воскресенья.

— До воскресенья! Такъ ты ходилъ туда сегодня, Робертъ?—сказала жена.

— Да, моя милая, — отвѣчалъ Бобъ.— Хочется, чтобы и вы могли сходить туда. Вамъ бы пріятно было увидать, какъ зелено это мѣстечко. Впрочемъ, вы часто будете видать его. Я обѣщаль ему приходить туда по воскресеньямъ. О, мой малютка! Мой маленькій малютка!—воскликнулъ Бобъ.

Такъ онъ, наконецъ, не выдержалъ. Не по силамъ ему это было. А если бъ было по силамъ, онъ и ребенокъ его были бы, можетъ быть, гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ теперь.

Онъ оставилъ семью и поднялся по лѣстницѣ въ верхнюю комнату, которая была ярко освѣщена и украшена по-праздничному. Въ ней рядомъ съ гробомъ малютки стоялъ стулъ и вообще видно было, что кто-нибудь незадолго приходилъ сюда. Бѣдный Бобъ сѣлъ на стулъ и задумался; просидѣвъ такъ нѣсколько времени, онъ, повидимому, успокоился, поцѣловалъ маленькое личико какъ бы въ знакъ примиренія съ совершившимся событіемъ и сошелъ внизъ вполне спокойный.

Они усѣлись вокругъ огня и стали разговаривать; дѣвицы и мать продолжали работу. Бобъ рассказалъ имъ о рѣдкой добротѣ племянника Скруджа, котораго онъ видѣлъ только разъ.

— Несмотря на то, онъ, встрѣтивъ меня сегодня на улицѣ и замѣтивъ, что я немножко—ну, такъ немножко не въ духѣ, спросилъ у меня, что случилось, что меня такъ разстроило. Когда я ему объяснилъ въ чемъ дѣло, — продолжалъ Бобъ, — вѣдь это самый любезный человекъ, какого я только знаю—онъ тутъ же сказалъ: „Мнѣ искренно жаль васъ и вашу добрую супругу!“ Но только какъ уже онъ узналъ про это, право, не знаю.

— Про что узналъ, мой милый?

— Да про то, что ты хорошая жена, — отвѣчалъ Бобъ.

— Кто же этого не знаетъ! — замѣтилъ Петръ.

— Отлично сказано, сынокъ мой! — похвалилъ Бобъ. — Надѣюсь, что такъ. „Искренно жаль, говорить, вашу добрую супругу. Если могу хотя чѣмъ-нибудь вамъ быть полезнымъ, сказалъ онъ, давая мнѣ свою карточку, вотъ гдѣ я живу. Пожалуйста приходите ко мнѣ“. И знаете, — продолжалъ Бобъ, — не потому, чтобы онъ могъ оказать намъ какую-нибудь помощь, а главное его добрая, радушная манера рѣшительно очаровала меня. Право, казалось, будто онъ зналъ нашего Тимошу и чувствовалъ вмѣстѣ съ нами.

— — Добрая, должно быть, душа у него! — сказала мистриссъ Крэтчитъ.

— Ты бы въ этомъ еще болѣе убѣдилась, моя милая, — возразилъ Бобъ, — если бы увидала его и поговорила съ нимъ. Я бы нисколько не удивился, — замѣтъ, что я говорю — если бы онъ доставилъ Петѣ лучшее мѣсто.

— Слышишь, Петя? — сказала мистриссъ Крэтчитъ.

— А потомъ, — сказала одна изъ сестеръ, — Петя вступитъ въ кому-нибудь въ компанію и откроетъ свое дѣло.

— Подите вы! — отозвался Петръ, пріятно улыбаясь.

— Еще бы, — сказалъ Бобъ, — когда-нибудь и это

будеть, хотя для того еще не мало времени впереди, мои милые. Но какъ бы и когда бы намъ ни пришлось разлучаться другъ съ другомъ, я увѣренъ, что никто изъ насъ не позабудетъ бѣднаго Тимошу—не такъ ли?—или эту первую среди насъ разлуку.

— Никогда, папа!—отвѣтили всѣ.

— И я знаю,—сказалъ Бобъ,—я знаю, мои милые, что если мы будемъ помнить, какъ онъ былъ терпѣливъ и кротокъ, хотя онъ былъ и маленькій, маленькій ребенокъ—намъ трудно будетъ ссориться другъ съ другомъ и тѣмъ доказывать, что мы забыли о бѣдномъ Тимошѣ.

— Нѣтъ, папа, никогда!—снова отвѣтили всѣ.

— Я очень счастливъ, — сказалъ маленькій Бобъ,—очень счастливъ.

Мистриссъ Крэтчитъ поцѣловала его, то же сдѣлали дочери и двое меньшихъ дѣтей, а Петръ крѣпко пожалъ отцу руку. — Душа крошки Тима, отъ Бога было твое дѣтское существо.

— Призракъ!—сказалъ Скрудъжъ,— что-то говорить мнѣ, что минута нашей разлуки близка. Скажи мнѣ, кто это, кого мы видѣли мертвымъ?

Духъ грядущаго Рождества повелъ его, какъ и прежде, мѣстами, гдѣ сходятся дѣловые люди, но не показывалъ ему его самого. Призракъ, нигдѣ не останавливаясь, шелъ все дальше, какъ бы стремясь къ желанной Скруджемъ цѣли, пока послѣдній, наконецъ, не обратился къ нему съ мольбою остановиться на минуту.

— Этотъ дворъ, — сказалъ Скруджъ, — черезъ который мы теперь несемъ, и есть мѣсто, гдѣ я занимаюсь уже давно. Я вижу домъ. Дай мнѣ посмотреть, что будетъ со мною современемъ.

Духъ остановился, но рука его указывала въ другомъ направленіи.

— Вотъ гдѣ домъ! — воскликнулъ Скруджъ. — Почему ты не туда указываешь?

Но указательный палецъ призрака не мѣнялъ направленія.

Скруджъ поспѣшилъ къ окну своей квартиры и заглянулъ туда. Это была все еще контора, но не его. Мебель была не та, и фигура, сидѣвшая въ креслѣ, тоже не его. Такъ какъ призракъ не мѣнялъ своего положенія, то Скруджъ снова присоединился къ нему и, не понимая куда и зачѣмъ они шли, сопровождалъ его, пока они не пришли къ какимъ-то желѣзнымъ воротамъ. Прежде чѣмъ войти въ нихъ, онъ остановился, чтобы осмотрѣться вокругъ.

Кладбище. Такъ вотъ гдѣ погребенъ тотъ человекъ, имя котораго онъ долженъ былъ сейчасъ узнать. Достойное это было мѣсто: окруженное со всѣхъ сторонъ домами, поросшее сорными травами, гдѣ не жизнь, а смерть питала и растила ихъ, гдѣ земля разжирѣла отъ слишкомъ обильной пищи. Достойное мѣсто!

Призракъ остановился среди могилъ и указалъ на одну изъ нихъ. Съ трепетомъ направился къ

ней Скруджъ. Духъ былъ все такимъ же, но ужасъ подсказывалъ Скруджу, что какое-то новое значеніе было въ его торжественной позѣ.

— Прежде чѣмъ я подойду къ камню, на который ты мнѣ указываешь,—сказалъ онъ,—отвѣть мнѣ на одинъ вопросъ: тѣни ли это вещей, которыя будутъ, или только того, что можетъ быть?

Призракъ продолжалъ указывать на могилу, у которой стоялъ.

— Образъ жизни людей предзнаменуетъ тотъ или другой конецъ, къ которому онъ долженъ привести ихъ,—произнесъ Скруджъ.—Но если въ немъ произойдетъ перемѣна, то и конецъ будетъ иной. Скажи, не такой ли смыслъ имѣетъ и то, что ты мнѣ показываешь?

Духъ былъ неподвиженъ, какъ всегда.

Скруджъ, продолжая трястись отъ страха, подползъ къ могилѣ и, слѣдя за пальцемъ духа, прочелъ на камнѣ свое собственное имя:

ЭБЕНИЗЕРЪ СКРУДЖЪ.

— Такъ это я тотъ человѣкъ, что лежалъ тамъ на постели?—вскрикнулъ онъ, не подымаясь съ колѣнъ.

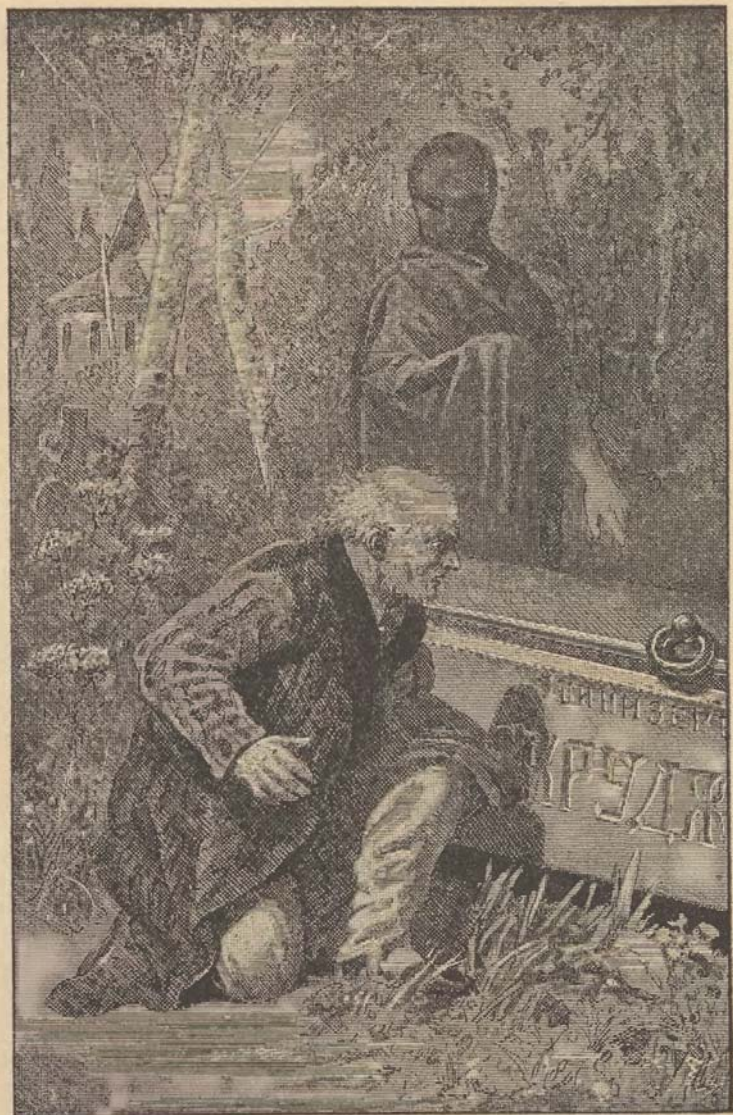
Палецъ указалъ съ могилы на него и обратно.

— Нѣтъ, духъ! О, нѣтъ, нѣтъ!

Палецъ не опускался.

— Духъ!—воскликнулъ онъ, крѣпко хватаясь за его одежду,—выслушай меня! Я не тотъ, что былъ. Я не буду тѣмъ, чѣмъ бы я долженъ былъ стать,

...Скрудзь, продолжая трястись отъ страха, подползъ къ могилѣ и, слѣдя за пальцемъ духа, прочелъ на камнѣ свое собственное имя: ЭБЕНИЗЕРЪ СКРУДЗЬ...

Стр. 132.

не получивъ этого урока. Зачѣмъ мнѣ это показывать, если для меня нѣтъ никакой надежды?

Въ первый разъ, казалось, дрогнула рука призрака.

— Добрый духъ!—продолжалъ Скруджъ, все еще оставаясь передъ нимъ на колѣнахъ. — Само твое сердце меня жалѣетъ и проситъ за меня. Дай мнѣ увѣренность, что я еще могу измѣнить эти, показанныя мнѣ тобою, тѣни, перемѣнивъ свою жизнь!

Добрая рука снова дрогнула.

— Я буду чтить Рождество отъ всего сердца и постараюсь круглый годъ блюсти его. Буду жить въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Духи всѣхъ трехъ будутъ бороться во мнѣ за первенство. Я не забуду данныхъ мнѣ ими уроковъ. О, скажи мнѣ, что я могу стереть надпись на этомъ камнѣ!

Въ своей отчаянной душевной борьбѣ онъ схватилъ руку призрака. Тотъ старался высвободить ее, но державшая ее рука не уступала. Однако, духъ оказался сильнѣе и оттолкнулъ его.

Поднявъ кверху руки въ послѣдней мольбѣ, онъ замѣтилъ въ призракѣ перемѣну. Онъ сталъ сжиматься, опадать и—превратился въ столбикъ кровати.

V.

К О Н Е Ц Ъ .

а! И кровать его собственная и комната его собственная. А всего лучше и дороже, что время для исправленія было у него впереди.

— Буду жить въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, — повторялъ Скруджъ, слѣзая съ кровати. — Духи всѣхъ трехъ будутъ бороться во мнѣ за первенство. О, Яковъ Марлей! Небу, Рождеству и тебѣ я обязанъ этимъ! Говорю это, стоя на колѣнахъ, старый Яковъ, — на колѣнахъ!

Онъ былъ такъ ваволнованъ, такъ охваченъ своими порывами къ добру, что голосъ его едва повиновался ему. Онъ сильно рыдалъ во время борьбы съ духомъ, и лицо его было мокро отъ слезъ.

— Онѣ не сдернуты! — воскликнулъ Скруджъ, сжимая въ рукахъ одну изъ занавѣсокъ своей кровати, — онѣ не сняты, онѣ здѣсь, и кольца и все здѣсь! Я здѣсь, тѣни вещей, которыя могли бы быть, могутъ быть разсѣяны. Такъ и будетъ. Я знаю, онѣ разсѣятся!

Все это время руки его работали надъ платьемъ: онъ спѣшилъ одѣться, а онѣ его не слушались; что ни схватить — шиворотъ на выворотъ, за что ни возьметъ — все перевертывается на изнанку или вверхъ ногами; то найдетъ вещь, то опять ее потеряетъ.

— Что жъ я буду дѣлать! — воскликнулъ онъ, смѣясь и плача въ одно и то же время и представляя изъ себя настоящаго Лаокоона, только обвитаго чулками вмѣсто змѣй — Я лежокъ, какъ перышко, счастливъ, какъ ангелъ, веселъ, какъ школьникъ, и голова точно съ похмелья. Поздравляю всякаго съ радостнымъ праздникомъ! Всему свѣту желаю счастья на Новый годъ. Гей! Ура! Ура!

Онъ выскочилъ въ сосѣдную комнату и остановился, едва переводя духъ.

— Вотъ она кастрюля, гдѣ была каша! — закричалъ онъ, снова придя въ движеніе и суетясь около камина. — Вотъ дверь, въ которую вошелъ духъ Якова Марлея. Вотъ уголь, гдѣ сидѣлъ духъ настоящаго Рождества! А вотъ окно, изъ котораго я видѣлъ странствующія души! Все такъ, все вѣрно, все это было. Ха, ха, ха!

Отличный былъ это смѣхъ, настоящій, знаменитый смѣхъ для человѣка, который столько лѣтъ прожилъ безъ всякаго смѣха. Этотъ хохотъ предвѣщалъ длинный, длинный рядъ блестящихъ повтореній!

— Не знаю, какое сегодня число, какой день мѣсяца! Не знаю, долго ли я былъ съ призраками. Ничего, ничего не знаю. Совсѣмъ какъ ребенокъ. Да что за важность, лучше буду ребенкомъ. Гей! Ура, ура!

Его восторги были прерваны звономъ колоколовъ, звучавшихъ какъ никогда прежде. Динь, динь, донъ. Динь-динь-динь, донъ, донъ донъ! О, чудесно, чудесно!

Подбѣжавъ къ окну, онъ отворилъ его и выглянулъ. Тумана какъ не бывало; яркій, веселый, морозный день. Блестящее солнце, прозрачное небо! О, чудо, о, восторгъ!

— Какой день сегодня? — закричалъ Скруджъ, окликающая шедшаго внизу мальчика въ праздничномъ платьѣ.

— Что? — отозвался тотъ въ полномъ недоумѣніи.

— Какой нынче день, мальчуга? — повторилъ Скруджъ.

— Нынче? Да нынче Рождество Христово.

— А, Рождество!—сказалъ Скруджъ самому себѣ.—Значить, я не пропустилъ его. Духи все въ одну ночь обработали. Все, что хотятъ, то и дѣлають. Конечно, они это могутъ. Конечно. Эй, мальчикъ?

— Что вамъ?—отозвался тотъ.

— Знаешь ты мясную лавку, что на углу второй отсюда улицы?—освѣдомился Скруджъ.

— Какъ не знать!

— Умный мальчикъ!—сказалъ Скруджъ.—Замѣчательный мальчикъ! А не знаешь ли ты, продали они ту знаменитую индюшку, что была у нихъ вывѣшена? Не маленькую, а ту, толстую?

— А, это что съ меня-то будетъ?—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну что за прелесть этотъ мальчикъ!—сказалъ Скруджъ.—Просто удовольствіе говорить съ нимъ. Она самая, молодчикъ.

— Она и сейчасъ тамъ висить.

— Правда? Поди-ка, купи ее.

— Э, полно вамъ шутить!

— Кромѣ шутокъ. Серьезно говорю. Поди, купи ее да вели сюда принести; я скажу, куда ее отправить. Самъ тоже приходи съ посланнымъ, я дамъ тебѣ шиллингъ. А если вернешься съ нимъ сюда раньше, чѣмъ пройдетъ пять минутъ, то подарю тебѣ полкроны!

Мальчикъ пустился бѣжать изо всей мочи.

— Пошло ее Бобу Крэтчиту, — шепталь Скруджъ, потирая руки и посмѣиваясь. — Онъ не узнаеть, кто ее послалъ. Она какъ разъ вдвое больше Ти-моши. Вотъ штука-то будетъ.

Нетвердою рукою написалъ онъ адресъ, но все-таки написалъ, и сошелъ внизъ къ наружной двери встрѣтить посланнаго изъ лавки. Стоя тамъ въ ожиданіи, онъ взглянулъ на колотушку.

— Всю жизнь буду любить ее! — воскликнулъ Скруджъ, схвативъ ее рукою. — Врядъ ли когда прежде я обращалъ на нее вниманіе. Какой у нея пріятный видъ! Замѣчательная колотушка! А, вотъ и индюшка. Ура! Какъ поживаете? Съ праздникомъ васъ.

И что это была за индюшка! Навѣрное, на ногахъ не могла стоять отъ жира, когда жива была.

— А что, вѣдь ее пожалуй не донести до Кэмпденъ - Тауна, — сказалъ Скруджъ. — Нужно взять вамъ извозчика.

Радостный смѣхъ, съ которымъ онъ сказалъ это, смѣхъ, съ которымъ онъ заплатилъ за индюшку, а потомъ за извозчика, и съ которымъ наградилъ мальчика, уступалъ развѣ только тому смѣху, съ которымъ онъ, едва переводя духъ, усѣлся опять въ свое кресло и здѣсь все продолжалъ смѣяться, пока, наконецъ, не заплакалъ отъ радости!

Не легкое дѣло было теперь обриться, потому что руки у него тряслись сильнѣйшимъ образомъ; а бритве требуетъ осторожности даже въ спокой-

номъ состояніи. Но если бы даже онъ отрѣзаль себѣ кончикъ носа, то наложилъ бы только кусочекъ пластыря на обрѣзанное мѣсто—и горя мало.

Онъ одѣлся въ свое лучшее платье и, наконецъ, вышелъ на улицу. Народъ тамъ двигался взадъ и впередъ, какъ онъ видѣлъ передъ этимъ, находясь въ обществѣ духа настоящаго Рождества. Заложивъ руки за спину, Скруджъ посматривалъ на всѣхъ съ пріятною улыбкою. Видъ его былъ такъ привѣтливъ, что трое или четверо встрѣчныхъ, находившихся въ особенно веселомъ расположеніи духа, обратились къ нему съ привѣтствіемъ и пожеланіемъ веселаго праздника. Скруджъ часто потомъ рассказывалъ, что это были самые пріятные изъ когда-либо слышанныхъ имъ звуковъ.

Онъ еще не далеко отошелъ, какъ увидаль шедшаго ему навстрѣчу полнаго господина, который наканунѣ вошелъ въ его контору со словами: „Это контора Скруджа и Марлея, если не ошибаюсь?“ Сердце его почувствовало боль при мысли, какъ посмотреть на него этотъ господинъ, когда они встрѣтятся; но онъ зналъ, какой путь предстоялъ ему теперь, и, не задумываясь, пошелъ по немъ.

— Дорогой сэръ, — сказалъ Скруджъ, ускоряя шаги и беря стараго джентльмена за обѣ руки, — какъ вы поживаете? Надѣюсь, что вы имѣли успѣхъ вчера. Это очень хорошо съ вашей стороны. Желая вамъ веселыхъ праздниковъ, сэръ.

— Мистеръ Скруджъ?

— Да,—произнесъ онъ,—это мое имя; боюсь только, что оно можетъ быть вамъ непріятно. Позвольте мнѣ попросить у васъ извиненія. И не будете ли вы такъ добры,—тутъ Скруджъ сказалъ ему что-то на ухо.

— О, Боже! — воскликнулъ джентльменъ, пораженный удивленіемъ.—Дорогой мистеръ Скруджъ, да серьезно ли вы говорите?

— Пожалуйста,—отвѣтилъ Скруджъ.— Ни фартинга *) меньше. Тутъ много отплатъ за прежнее, увѣряю васъ. Такъ вы мнѣ сдѣлаете это одолженіе?

— Дорогой сэръ, — сказалъ тотъ, трясая ему руку,—не знаю что и сказать о такой щедрости.

— Пожалуйста, ни слова больше, — возразилъ Скруджъ.—Приходите ко мнѣ. Не правда ли, вы придете?

— Непремѣнно!—отвѣтилъ старый джентльменъ.

Ясно было, что онъ намѣренъ былъ исполнить свое обѣщаніе.

— Благодарю васъ,—сказалъ Скруджъ.—Очень вамъ обязанъ. Сто разъ благодарю васъ. Дай вамъ Богъ всего хорошаго!

Онъ побывалъ въ церкви, ходилъ по улицамъ, наблюдалъ, какъ снѣжили люди туда и сюда, гладилъ дѣтей по головѣ, спрашивалъ нищихъ, заглядывалъ внизъ въ кухни домовъ и наверхъ

*) Полушка.

въ окна, находя, что все можетъ доставить ему удовольствіе. Ему и во снѣ никогда не снилось, чтобы прогулка, что бы что бы то ни было могло принести ему такъ много счастія. Послѣ полудня онъ направилъ шаги къ дому своего племянника.

Разъ десять прошелъ онъ мимо двери, прежде чѣмъ осмѣлился подойти къ ней и постучать. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ быстро подбѣжалъ къ ней и ударилъ молоткомъ.

— Дома ли твой хозяинъ, моя милая?—сказалъ Скруджъ отворявшей ему горничной. — Славная дѣвушка, право!

— Дома, сэръ.

— Гдѣ онъ, моя дорогая?—спросилъ Скруджъ.

— Онъ въ столовой, сэръ, съ барыней. Не угодно ли вамъ пожаловать за мною наверхъ.

— Благодарю. Онъ меня знаетъ, — отвѣтилъ Скруджъ, уже положивъ руку на ручку двери въ столовую.—Я здѣсь взойду, моя милая.

Онъ тихонько пріотворилъ дверь и просунулъ въ нее лицо. Мужъ и жена осматривали въ эту минуту парадно-накрытый столъ.—Вѣдь молодые хозяева всегда щепетильны на этотъ счетъ и любятъ, чтобы все было, какъ слѣдуетъ.

— Фрэдъ!—произнесъ Скруджъ.

О, батюшки свѣты, какъ вздрогнула съ испуга жена его племянника! Скруджъ забылъ въ эту минуту, что она была не совсѣмъ здорова, а то бы ни за что на свѣтѣ не сдѣлалъ этого.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Фрэдъ, — кто тамъ?

— Это я. Твой дядя Скруджъ. Пришелъ обѣдать. Можно взойти, Фрэдъ?

Можно ли взойти! Чудо еще, что тотъ совсѣмъ не оторвалъ у него руки отъ радости. Не прошло и пяти минутъ, а Скруджъ былъ уже какъ у себя дома. Ничто не могло быть сердечнѣе оказаннаго ему приѣма какъ со стороны племянника, такъ и со стороны его жены. Такъ же отнесся къ нему и Топшеръ, когда пришелъ; такъ же и толстущка-сестрица, когда она пришла; такъ же—и всѣ остальные явившіеся потомъ гости. Отличная была эта компанія, отличныя были игры, удивительное единодушіе, замѣчательное счастье!

Но на слѣдующее утро Скруджъ рано уже былъ въ конторѣ. Совсѣмъ таки рано. Главное, чтобы ему первому быть тамъ и поймать Боба Крэтчита, когда тотъ опоздаетъ! Достигнуть этого ему хотѣлось во что бы то ни стало.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Пробыло девять часовъ — Боба нѣтъ. Четверть десятаго — Боба все нѣтъ. Онъ опоздалъ на цѣлыхъ восемнадцать минутъ съ половиною. Скруджъ сѣлъ, оставивъ свою дверь открытою, чтобы видѣть, какъ тотъ войдетъ въ свою каморку.

Прежде чѣмъ войти, тотъ уже снялъ шляпу и свой шарфъ. Въ одинъ мигъ онъ очутился на своемъ стулѣ и быстро заработалъ перомъ, какъ бы желая нагнать опозданное время.

— Эге! — заворчалъ Скруджъ, стараясь, какъ только могъ, подражать своему обыкновенному голосу. Что это значить, что вы являетесь сюда въ такое время?

— Я очень сожалѣю, сэръ,—сказалъ Бобъ.—Я опоздалъ.

— Вы опоздали?—повторилъ Скруджъ.—Думаю, что такъ. Не угодно ли вамъ пожаловать сюда.

— Вѣдь это только разъ въ цѣлый годъ, сэръ,—оправдывался Бобъ, выходя изъ своей каморки.— Въ другой разъ этого не случится. Ужъ очень вчера весело было, сэръ.

— Вотъ что я вамъ скажу, другъ мой, — произнесъ Скруджъ:—я не намѣренъ допускать повторенія подобныхъ вещей. А потому, — продолжалъ онъ, вскакивая со стула и такъ ударивъ Боба, что тотъ отскочилъ назадъ въ свою каморку,—а потому хочу прибавить вамъ жалованья!

Бобъ задрожалъ и нѣсколько пододвинулся къ линейкѣ. Ему пришла вдругъ мысль ударить ею Скруджа, связать его и, призвавъ на помощь людей съ улицы, надѣть на него горячую рубашку.

— Съ праздникомъ тебя, Бобъ!—сказалъ Скруджъ такимъ серьезнымъ тономъ, что въ немъ нельзя было ошибиться, и ударяя конторщика по спинѣ.— Желаю тебѣ, другъ мой, праздника повеселѣть твоихъ, которые ты видѣлъ отъ меня въ теченіе многихъ лѣтъ! Я прибавлю тебѣ жалованья и постараюсь помочь твоей бѣдствующей семьѣ, и се-

годня же вечеромъ мы обсудимъ, Бобъ, твои дѣла за стаканомъ горячаго пунша. Разведи-ка огонь да сію же минуту купи другой ящикъ для угля.

Скруджъ оказался еще добрѣе, чѣмъ обѣщалъ. Онъ все сдѣлалъ и еще несравненно больше; а маленькій Тимоша не умеръ, и Скруджъ сталъ его вторымъ отцомъ. Онъ сдѣлался такимъ хорошимъ другомъ, такимъ добрымъ хозяиномъ и человѣкомъ, какого только зналъ свѣтъ. Нѣкоторые смѣялись происшедшей съ нимъ переменѣ, но онъ не обращалъ на это вниманія, такъ какъ зналъ, что какое бы доброе дѣло ни дѣлалось, всегда найдутся въ мірѣ люди, для которыхъ оно послужитъ предметомъ насмѣшки. Зная также, что такіе люди бываютъ слѣпы во всемъ, онъ думалъ, что пускай ихъ лучше морщиятъ свои глаза смѣхомъ, чѣмъ обнаруживаютъ свою болѣзнь въ менѣе привлекательныхъ формахъ. Его собственное сердце смѣялось, а этого было для него вполне достаточно.

Онъ больше уже не видался съ духами, а прожилъ остальную жизнь по правиламъ полного воздержанія; и объ немъ всегда говорили, что онъ умѣлъ чтить Рождество, если вообще кто-либо изъ живыхъ людей обладалъ этимъ знаніемъ. Хорошо, если то же можетъ быть справедливо сказано про каждаго изъ насъ! Итакъ повторимъ слова маленькаго Тимоши: да благословитъ Господь всѣхъ насъ!

К О Н Е Ц Ъ .

